



И. М. Снегирев

**Русские
простонародные
праздники
и суеверные
обряды**

Иван Снегирев

**Русские простонародные
праздники и суеверные обряды**

«Кучково поле»

2011

ББК 63.5(2)

Снегирев И. М.

Русские простонародные праздники и суеверные обряды /
И. М. Снегирев — «Кучково поле», 2011

ISBN 978-5-9950-0226-0

Книга «Русские простонародные праздники и суеверные обряды» – самый знаменитый труд русского фольклориста и этнографа, профессора Московского университета Ивана Михайловича Снегирева. В 1840 году Академия наук присудила автору за это сочинение Демидовскую премию, а император Николай I подарил бриллиантовый перстень. Исследование посвящено русским народным праздникам и связанным с ними поверьям. Берущие свое начало в глубокой языческой древности, эти праздники и по сей день живы в народе, любимы и широко отмечаются. Снегирев – один из первых ученых, кто обратился к изучению русских пословиц и поговорок, особенностей народного быта, обрядов и праздников. Главная его заслуга состоит в том, что он начал смотреть на эти важные проявления практической народной мудрости с научной точки зрения, обратил внимание на соотношения с аналогичными особенностями других народов, указал на заимствования некоторых у этих последних и старался расположить их в определенном порядке по антропологическим и историческим соображениям. Книга будет интересна не только специалистам, но и самому широкому кругу читателей.

ББК 63.5(2)

ISBN 978-5-9950-0226-0

© Снегирев И. М., 2011

© Кучково поле, 2011

Содержание

Предисловие	7
Часть I	9
Общий обзор. Введение	10
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Иван Михайлович Снегирев

Русские простонародные праздники и суеверные обряды

*На нашей улице праздник.
Русская поговорка.*

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»

ЕГО ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ,
господину Министру народного просвещения,
Государственного совета члену и разных орденов кавалеру
Сергию Семеновичу Уварову

с достодолжным высокопочтением
посвящает сии воспоминания
отечественной народности

Сочинитель

Предисловие

Русские праздники простонародные и соединенные с ними древние поверья, составляя заветные стихии народности, входят во внутреннюю историю русского народа и его древности. О важности и необходимости исследования сего предмета говорили Шлецер, Карамзин и митрополит киевский Евгений. Представлено было несколько опытов, достойных внимания, господами Глаголевым, Макаровым и И. Сахаровым. Почтенный сочинитель книги «О великих Господских и Богородичных праздниках» (Киев, 1835) при некоторых из них приводит народные обычаи. После этого наконец и я отваживаюсь представить свой опыт русской эртологии, в коем излагается общий и частный обзор простонародных праздников с обрядами и относящимися к ним песнями. Сколько можно, мною обращено внимание на время и место, где и когда возникали и продолжают сии праздники. Самое происхождение, содержание и цель оных решительно отделяют их от церковных святых празднеств.

Я не ограничивался известными и доступными мне источниками письменными. Как старинные обычаи живут более в народе, чем в книгах, то я собирал местные об этом сведения и живые предания посредством переписки или путешествий по России. Не могу умолчать искренней моей благодарности тем почтенным особам, кои содействовали мне в труде моем советами, указаниями и доставлением материалов: господам профессорам Ф. А. Голубинскому, П. М. Терновскому, И. И. Давыдову, М. П. Погодину, Ф. Л. Морошкину, С. П. Шевыреву, магистру М. С. Гастеву и достойнейшим сочленам по Обществу истории и древностей Российских А. Ф. Вельшману, Н. А. Полевому и князю М. А. Оболенскому. Господа директора гимназий, Костромской – Ю. И. Бартенев и Тверской – И. И. Лажечников радушно сообщали мне сведения, собранные ими по учебному округу через господ смотрителей и учителей. Профессор И. Н. Лобойко в Вильне, для меня отобрав от своих студентов, уроженцев из малой, белой, красной и черной Руси, записки о местных обычаях и поверьях, обогатил мое собрание. Почтенный сочлен по Обществу истории и древностей Российских, наш ревностный разыскатель отечественной старины, М. Я. Диев дополнял мои исследования своими наблюдениями в Костромской, Ярославской и частью во Владимирской губерниях. Касательно славянских древностей я пользовался советами и материалами господ Ю. И. Венелина и И. М. Бодянского; а в литовских и польских руководителями моими были господа В. Г. Анастасевич и И. Н. Лобойко. Сам, постигая всю важность и обширность избранного мною предмета, объемлющего внутреннюю жизнь русского народа в разных ее эпохах, нахожу, что он требует больших и разнообразнейших познаний и средств, постояннейших наблюдений и исследований, нежели какие я имел. Чем далее идти по этому поприщу, чем глубже вникать в этот предмет, по-видимому, столь обыкновенный и знакомый, но, по сущности, многосложный и разносторонний, тем более откроется новых сведений и соображений, важных для истории, филологии и философии. Как во время печатания книги попадались мне неизвестные материалы, то в некоторых местах были неизбежны повторение и отступления, в чем я прошу извинения у строгих требователей порядка.

Кажется, мой опыт уже сделается не лишним, если послужит материалом для будущих разыскателей русской древности в живых ее источниках, кои время от времени иссякают в народе; а труд мой будет награжден, если вызовет новых исследователей¹ и если заслужит внимание благонамеренных соотечественников и тем самым поощрит меня к продолжению сего

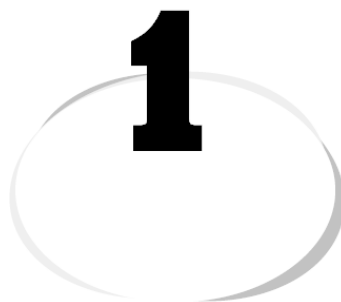
¹ Я готов с благодарностью помещать в следующих книжках дельные замечания благонамеренных наблюдателей для того, чтобы в одном сочинении соединялось то, что к нему относится.

издания, в коем поместится самое описание простонародных праздников в древние и новые времена.

И. Снегирев

3 февраля 1837 г.

Часть I



Общий обзор. Введение

Одним из сильнейших средств к сближению людей и народов и одним из обильнейших источников к познанию внешней и внутренней жизни каждого народа служат его праздники с относящимися к ним суеверными обрядами, хороводами, песнями и играми. Вместе с первыми верованиями возникши в колыбели человечества, по откровению самой природы, при образовании первого общества, они выражают в себе древний быт народа, климат той страны, где он жил, его понятия об астрономии, естествоведении, нравственности – его верование, историю и поэзию. Как верование проникает целую жизнь народа, то и гражданские постановления и семейные обычаи связуются теснейшим союзом с его мифами и поверьями, с его преданиями и сказаниями, с колыбельными песнями его младенчества, к коему сердце невольно обращается во всех возрастах человека. Народные праздники, торжественно и радостно обнаруживая нравственные и религиозные чувствования, доставляют участникам в оных льготу и наслаждение. Нигде с такой полнотой и свободой не раскрывается личность народная, как в праздниках; нигде столько, как в них, не сближаются люди душою и сердцем. Там укрепляется старое и заводится новое знакомство, там обмениваются мыслями и чувствованиями, там частное делается общим, прошедшее и будущее обращается в сладостное настоящее: там любимый *простор уму и разгул души*.

Большая часть праздников народных родилась в древнем язычестве, где с богослужебными обрядами соединяемы были судопроизводство и промышленность; от сего где был торг, там суд и расправа. Имея тесную связь с внешней природой и с внутренней жизнью народа, праздники ведут свое начало от его глубокой древности, входят в состав его истории, живописуют его дух и характер, намекают на коренный быт и на основные его идеи. Учрежденные по естественным эпохам года, они объясняются и освящаются мифами народными, кои содержат в себе поверья о божестве, человечестве и природе. Как поэзия жизни народной, они сливаются с символами и иносказаниями, песней и пляской – языком души и сердца, для всех понятным.

Все народы имеют природную склонность выражать торжественно радость и печаль. Сам Бог учредил и освятил праздники в народе еврейском для воспоминания своих к нему благодеяний, для возбуждения в нем благоговейных чувствований и для обвеселения сердец в дни покоя и свободы¹. «Первые праздники у греков, – говорит Аристотель, – ознаменованы были радостью и благодарением. По собрании плодов земных народ сходил в избранные места для жертвоприношений и для веселия, ощущаемого им при изобилии благ земных»².

Хотя праздники у всех народов древнего и нового мира имеют общие начала, как бы прирожденные человечеству, однако естественные и нравственные причины различия людей отличают оные по цели и выражению: от сего происходит различие в праздниках у воинственных и мирных племен, у земледельческих и пастушеских, у диких и просвещенных, у языческих и христианских, у жителей гор и долин, у восточных и северных народов. Вместе с переселением и смешением племен переселяются и смешиваются с другими их поверья и обычаи; от сего в римских праздниках находим следы греческих, в славянских – влияние тех и других, с примесью скандинавских, германских, финских и восточных.

Более или менее явственные останки славянорусского богоучения в язычестве заметны в поверьях, обрядах и праздниках народных, какие сохранились преданиями и доныне существуют в России и в тех странах Европы, где только прокладывало себе след славянское племя и где звучало его слово. Священные торжества у этого племени, подобно как и у других северных народов, сопровождались мольбами, обетами и жертвоприношениями, гаданием, пением и плясками или играми, общественными пиршествами и взаимными дарами: они служили к утверждению союза и братства, свойственного пастушеским и земледельческим племенам. Сии дни общего веселья, приурочиваясь к временам *года*, бывали у них днями судов народных и

торгов, сроками работ и любовных сделок. У поляков *godu* значит *народный увеселительный праздник, пиршество*, которое у других славянских племен называется *Swatki* (Святки) и *Lato*. Русское слово *торжество* происходит от *торга*, сродного со свео-готфским *torg*. Самое слово *праздник* выражает упразднение, свободу от будничных трудов, соединенную с веселием и радостью. *Праздник* есть свободное время, освященное богопочтением, *обряд* — знаменательное действие, принятый способ совершения торжественных действий; последний содержится в первом.

Русские народные праздники, по ближайшему отношению к мифам и поверьям, к внутренней истории и древностям народа, составляют часть археологии — *эортологию* (вортг|праздник и Лоуод учение), или учение о праздниках, входящих в состав народного календаря. Различествуя по цели и сущности своей от церковных, христианских празднеств, древние праздники народа остались от древнего его быта как отечественные обычаи, обратившиеся в игру его жизни³.

Источником простонародных празднеств и обрядов суть верования и обычаи, кои дают им особенную форму и характер сообразно с местностью. От различия в духе тех и других происходит различие в самых праздниках, какое видим в России, по количеству великой и малой, по качеству белой, черной и красной. Древний летописец изобразил нам несходство нравов и обычаев у старожилов и заморских пришлецов в русском мире⁴, у которых были свои верования и обряды, как у племен, впоследствии населивших южную и северо-восточную Россию. Хотя у этих племен и потомков и преемников их открывается некоторое сходство в поверьях и обычаях; однако есть многие местные особенности, о коих гласит и пословица: *Что город — то поров; что деревня — то обычай; что подворье — то поверье*.

С переменой образа жизни и правления, веры и нравов переменялись в существе и виде своем или совершенно уничтожались древние мифы и праздники в русском мире, заменяясь священными, христианскими, или обычаями благочестивыми, кои противоположны были языческим. Ревность пастырей церкви истребляла капища и кумиры отечественных богов, строго запрещая суеверия, кои называли они в посланиях своих *эллинскими, латинскими, бесовскими, дьявольскими*⁵. О подробностях языческой религии умалчивают благочестивые летописцы наши, вероятно, чтобы самым напоминанием не подать повода к соблазну соотчичам, еще неутвердившимся в православии. Осуждая внешние языческие обычаи, обряды и поверья, как противные чистоте веры христианской, первые ее проповедники в России — греки не говорили о чуждых себе божествах, в честь коих по привычке совершались оные, и даже после введения христианской веры еще удерживались в народе древние суеверия, с коими он сроднился и не легко мог от них отстать; под видом обычной игры и потехи он уклонялся в дремучие дубравы или клетки — совершать тайком заветные обряды. В двухвековое владычество татар над Россией священные уставы церкви, по выражению царя Ивана IV, *поисшатались*, и возобновились суеверные обряды, *поганские обычаи, игры, коби бесовские, Радунницы, Русальи* об Иванове дне и *кудесы*, кои запрещаются Стоглавом и о коих впоследствии предложится объяснение. Из летописи видим, что новгородцы в 1358 году «утвердились между собою крестным целованием играния бесовского не любить и бочек не бити»⁶. Кормчая, Номоканон, Стоглав, Духовный Регламент и пастырские послания святителей российских упоминают о разных поверьях язычества, кои из городов переселялись в села и деревни, от высшего сословия народа переходили к низшему. Сколь ни вытеснялись и ни искоренялись старые народные обычаи в век Петра I, однако они пробивались в разных местах и при разных случаях. Что истреблялось в одном месте, то удерживалось в другом. Нередко от древнего языческого богослужения оставались в народе одни принадлежности оногo — игра, хоровод, песня, пиршество, заповедное дерево, камень, источник, городище, места прежних *требищ, тризниц, торжищ*, или сборов праздничных⁷. Но как самородные, коренные мысли народа и признаки древнего его быта и

верования открываются и в этих немногих остатках, то из них мы постараемся вывести черты его мифологии как основания праздников народных.

Дунайские славяне, известные византийскому историку Прокопию, VI века по Рождеству Христову, по свидетельству его, «признавали единым Богом и владыкою мира, Творца молнии; сверх того, почитали реки, нимф и других духов»⁸. Но когда сии славяне расселились и раздробились по северо-восточным странам Европы, то и религиозные понятия их смешались с понятиями тех народов, с коими они сближались; от сего и различие в мифологии славян юго-западных и северо-восточных, у которых единство мысли о божестве, происшедшее от первобытного единства верования, распалось на части и образы. Вероятно, что и религия заморских пришельцев слилась с религией финнов и славян, потому что те и другие находили сходство в божествах своих. Скандинавский *Фиоргун* (Fiorgyn), *жизнодатель*, нечуждым показался славянскому *Перуну* (лвр *огонь*, ріогуи *молния*), оплодотворяющему землю, а *Волос* последних *Валассу* (Vali-äss, Val-ass) первых, как божества, покровительствующие земледелию и скотоводству. Скандинавский *Бел*, или *Бал*, божество огня и света, сходное с азиатским *Балом*, и *Тор* громоносный, с молотом в руке (Mjolner – *молния*) перешли в *Белбога* и *Чернобога*, означающих двойственность славянской религии, от коей германская различается своей тройственностью; скандинавский *Один*, или *Водин*, вероятно, преобразился в водяного⁹.

Великий князь Владимир I в язычестве своем, вместе с соединением разных народцев, населявших тогдашнюю Русь, соединил в стольном граде своем Киеве и семь их главных божеств, именно: *Перуна*, *Волоса*, *Даждь-бога*, *Стрибога*, *Хорса*, *Семаргла* и *Мокоша*. Кумир первенствующего из них, Перуна, обожал был и на Днепре, и на Волхове, первый низринут был по введении христианства¹⁰. В Четых Минеях св. Димитрия описываются следующие поставленные в Киеве Владимиром божества: «Начальнейший *Перун*, его же вероваху быти грому и молниям и облаком дождевым; второй *Волос*, мнимый быти бог скотов; третий *Позвизд*, или *Вихор*, бог воздуха; четвертый *Лад*, бог веселия; пятый *Купало*, бог плодов земных; шестой *Коляда*, бог празднования, в зиме бывающего, и инии меньшии боги, не точию в Киеве, но и по всем Российские державы странам»¹¹. В большой Макарьевской Минее упоминаются только истребленные великим князем Владимиром идолы: *Перун*, *Хоре*, *Дажб*, *Мокогий*, *Волос*.

Под влиянием христианства народ, забывая наконец своих главных богов, припоминал только второстепенных и особенно мифы физические, кои имеют предметом олицетворенные явления и силы естества, или символы житейских потребностей, каковы: *Ярило*, *Купало*, *Лад*, *Чур*, *Авсень*, или *Таусень*, *Значь*, *Веснянки*, *Осенянки* и *Зимнянки*, *Водяны*, или *Водяные*, *Моряны*, *Огняны*, известные и карпатороссам, *Ветряны*, также *Русалки*¹², *Кикиморы*, *Карацуны*, *Яга-баба* и *Ведьмы*. По мнению народа, в лесах владычествовал *Леший*, в полях *Полевой*, в домах *дедушка Домовой*, который бывал и *Постенем*, а в подпольях *Лизуном*. Все сии существа мифические более или менее входят в семейный быт простого народа, содействуют или противодействуют ему в жизни, ублажаются жертвами или изгоняются заклинаниями и особенными обрядами¹³, из коих многие недавно истребились. Только в 1765 году уничтожен Тихоном I в Воронеже, в 1771 году в Костроме Симоном, а в Твери Мефодием в 1805 году праздник в честь *Ярила*, нашего Ерота и Лингама¹⁴, который, по словам иерарха, в тех странах почитался был за бога до введения христианской веры: Ярилу представлял избранный от мира человек, которого, перед заговеньем Петрова поста, обвязывали всякими цветами, лентами и колокольчиками и, надев на голову высокий колпак с лентами, водили с плясками по площади. Такое же почти празднество бывало в селениях Рязанской и Тамбовской губерний. Хотя *Лады* Нарушевич не находит ни в литовской мифологии, ни у германских славян, но у одних русских, у которых Лад вспоминается в следующей пословице: *Не надобно и клад, коли у мужа с женою лад*¹⁵; однако в экземпляре Кромеровой истории, хранящемся в Рижской

публичной библиотеке, написано старинным почерком следующее: «Ив наше время литовцы, равно как летты и кури призывают Ледо или Ладо около Иванова дня. Тогда, по старинному суеверию, украшают они цветами и древесными листьями источники и собирают травы, кои почитают полезными от всякой болезни». *Ладе* у карпато-россов празднуется в день Купалы. Наш *Лад* и *Лад*о, как купа, сходны с римскими *Яном* и *Яною* (Deiva Jana), богом солнца и богиней луны, воспеваемыми в Салийских песнях. Хотя Карамзин и говорит, будто неизвестно ни одной старинной песни, где бы воспевалось имя *Купала*¹⁶; но мы представим довольно таких песен. *Купало* и *Купальница*, как увидим, известны почти во всей России.

Сколько в России есть урочищ, запечатленных именами языческих богов и служащих местом для игрищ! *Перун* есть урочище в Новгородской губернии в Устюженском уезде; *Перунина пустыня* — в Весьегонском уезде на ручье Задворевском; *Перуново*, или *Ладовичино*, — в Ржевском уезде; *Перунов* — в Полоцком повете; *Перу нова рень* — в Киеве. Воспоминание о Волосе сохранилось в *Волосовой улице*, или *Волосове*, в Новгороде и в суеверных обрядах *Опахиванья*, или *Коровьей смерти*. *Тур* часто повторяется в названиях рек, гор, селений *Туровых*, *Туровских*. По Троицкой дороге близ Воздвиженского есть городец *Белые боги*, ныне *Бельский стан*, или *Белухинская роца* (кортомб), где, по старому преданию, на высоком холме стояла дубрава заповедная, а в ней было капище. *Ярилом* слывет ярмарка в Оренбургской губернии, а *Купальницей* — в Переславле-Залесском, где, подобно как в Ростове в XII веке, при царе

Василии Шуйском существовал камень (Волос, вероятно), в честь коего совершалось празднество 19 июня¹⁷. Подобно древним народам мира, у славян огромные камни были предметами обожания: следы сего донныне сохранились суеверием. Недалеко от Москвы близ села Архангельского в лесу находится яма, которую почитают местом идола *Тучева*, вероятно, аэролита, упавшего из тучи. В описании древних городов русских дальних и ближних упоминается *Корочюпов камень*¹⁸. В Тульской губернии в Одоевском уезде у простолюдинов находятся в великом уважении два больших камня: *Баши* и *Башиха*, подобно Черемисскому Чембулатке; на Ладожском озере, на острове Коневце, лежит в лесу *Конь-камень*, коему в XV веке ежегодно приносили в жертву коня¹⁹, а в Ефремовском уезде на берегу Красивой Мечи вокруг *Коня-камня* совершается *Опахиванье* во время скотского падежа. Доселе еще не истребилось в простом народе особенное почтение к некоторым колодезям или студенцам и озерам, коим, по свидетельству летописей наших, он приносил требы и там совершал гадания и омовения, также древним дупловатым деревьям, особенно дубам, кои и в северной Германии почитались священными даже по водворении христианства.

Вообще всё, что сохранилось в народе преданием от древнего богоучения, более и более принимало форму простого суеверия и, теряя коренное свое значение, присоединялось к христианским праздникам и обрядам в виде старого обычая и поверья; нередко невежество и закоснелая привычка смешивали давно знакомые им принадлежности языческих божеств с христианскими святыми, с торжествами церкви — обряды капищ идольских, на месте коих большей частью сооружены первые церкви или часовни, какие находятся в Киеве, Новгороде и т. д. Невозможно было искоренить одним разом то, с чем свыклась душа и что поддерживало самобытность народа, который старался удержать празднества и поверья своей древности потому еще, что они соединены были с различными играми и увеселениями. Константин Великий, уже по введении христианской веры в империи, не запретил продолжать древние обычаи, в постановлении своем касательно оных. Великий князь Владимир I, уже просвещенный Евангелием, допускал некоторые обычаи старинные — *живяшие по устройению дедню и отчу*²⁰. Из снисхождения к закоснелым суевериям и простоте ума народа проповедники христианской веры, желая ослабить языческие суеверия, терпели их между самими христианами²¹, у которых унижались оные превращением в потехи и увеселения; они переводили имена отечественных богов народа на имена святых, и чем прежде в его быту заведывали первые, тем в

последствии стали заведовать другие: от сего, вероятно, произошли прозвания святым, заимствованные от стихий, климата, времен года, от предметов домашнего быта и сельских трудов, например: *Борис* и *Глеб*, в Белоруссии – черный и белый хлеб, по всей России – *Илья Пророк*, представитель грома, заступивший место *Перуна*²², св. Иеремия – *запрягальник*, св. Феодосия – *колосняница*, св. Агриппина – *купальница* и т. д. Св. Власий заменил низверженного *Волоса*, бога скота, о котором донныне напоминает праздник *Вел-окс*, отправляемый мордвою, потомками ростовской мери; *Богдан* заместил *Даждь-бога*. И наоборот, иногда христианским святым невежество черни придавало вид кумиров своего язычества: так св. Крестителя Иоанна оно обратило в Купалу, св. Вита на острове

Рюген, по свидетельству Гельмольда, – в Свето-вида на белом коне, или святого витязя, которого смешивали со св. Георгием²³; даже святые иконы называли *богами* и святые церкви – *божницами*. Поморяне в 1124 году изъявляли желание поклоняться и старым божкам своим, и вместе Иисусу Христу; в старинных песнях русских Троица и Богородица воспеваются вместе с Ладом. Потом собственные имена богов переходили в нарицательные, подобно как они прежде из нарицательных сделались собственными, отличая предметы чувственные, их действия и свойства, например: *Перун*, *Погода*, *Лад*, *Чур* и т. д. Возбужденное благоговением к христовой вере омерзение к древнему идолопоклонству превращало имена богов в ругательства – *Тора* в *черта*, в немецкого *Тог болвана*, *дурака*, сходного с черемисским *чортом*, *Буга*, или *Бука*, – в пугалища, кумиры богов – в *болваны* и *чурбаны*²⁴, также самых божичей, не упоминая их настоящие имена, просто называли *бесами*.

Чествовать предметы своего благоговения праздниками сродно человеку, для которого верование включает в себе протекающее и будущее, божество и мир духовный, природу и его самого. В его праздниках выражаются его обеты, надежды и воспоминания собственного прошедшего, которое для него становится кумиром. С истреблением внешнего идолослужения при введении веры христианской в Россию понятия тогда преобладавшего язычества, внедрясь в дух и быт народа, проявлялись в древних праздниках его и поверьях, даже христианские торжества церкви получали названия языческих, как, например, *Русальская неделя*, *Купало*, *Радунница*. Но праздники церковные и народные по духу и цели своей различны, хотя суеверие и невежество примешивают одни к другим. Церковные праздники, кои свидетельствуют об истине событий, составляющих сущность веры христианской, представляют разительную противоположность с древними языческими, простонародными, ибо одни, как живые уроки об истинах евангельских, введены церковью для возбуждения в нас благоговения и благодарности к Богу²⁵, а другие, созданные свободной фантазией народа во тьме язычества, имеют отношение и приложение к древнему его быту, жизни, и как поэтическое выражение оных. У первых – предмет духовность, у других – более чувственность: одни возбуждают благоговейные и высокие ощущения, а другие обращаются в веселие и забаву, каким предается народ по естественному влечению поврежденного человечества и по укоренившейся привычке. Хотя последние иногда совпадают с днями первых, но мы будем рассматривать отдельно простонародные праздники русских славян как остатки языческих от христианских торжеств, подчиняя первые, сколько возможно, условиям времени и места.

1. В первом отношении они древние и новые: одни – образованные в язычестве и удержавшиеся в христианстве до XVIII века, а другие – с XVIII века до наших времен.

Неизвестно, как славяне жили в диком и грубом состоянии – сперва родами, потом и племенами; праздники их климата и духа, вероятно, начинаются вместе с удовлетворением главных потребностей жизни, вытекают из общежития. Глубокая древность есть причина, что мы не знаем с хронологической точностью установления религиозных торжеств, кои древ-

нее житейских; праздники, происходящие от разных занятий в году, у славян русских появились позднее, чем у славян западных; ибо в Русской земле, по суровому климату и местности, жили единообразно; начало их праздников с вероятностью отнести можно не далее, как к VII или VIII веку по Рождеству Христову.

Праздники с жертвоприношениями были главной принадлежностью древнего богослужения у славян, как у народов древнего мира; жрецы, которые ведали летоисчисление и времена праздников в честь разных божеств, назначали метанием жребия торжества и жертвоприношения, на кои стекались мужи и жены с детьми²⁶. У народцев, населявших Север наш, в самой древности существовали *игрища между селу*, на коих они брали себе жен, и *Тризна* над мертвецом; отечественные писатели наши, упоминая о сходбищах на игрища, на плясанье, пение, на борьбу и битвы дреколем, кои бывали в божественные праздники, умалчивают о том, в честь каких божеств совершались сии позорища. С точностью нельзя сказать, чтобы существовали на нашем Севере храмы и капища богов и божницы, из коих упоминается в летописи одна *Турова божница*²¹. Вероятнее, что местами богослужений были городища, камни жертвенные, берега рек и озер, мосты, горы и дубравы священные, кои у германских племен были также местами суда и расправы, а жрецы – их судьями.

В приписанном великому князю Владимиру Уставе, впрочем, важному для нас по своей древности, упоминаются обряды и поверья язычества, как то: «о моление под овином и рощею или у воды, чародеянии, волховании» и т. д. Преи. Нестор, близкий ко временам язычества в России, свидетельствует, что еще при нем «схожахуся на игрища и на плясанье, и на вся бесовская игрища. Видим бо игрища утолченна и людий много множество, яко упихати начнут друг друга, позорища деюще от беса замышленного дела». Сходное с этим упоминается в Кормчей книге (гл. 17). Русский переводчик св. Григория Богослова в XI веке вставил от себя в тексте следующее замечание, касающееся суеверий его отечества: «Ов требоу створи на стоуденьци дъжда иски от niego, забыв яко Бог с небесе дъждь дает. Ов несущим богом жрьеть и Бога створышаго небо и землю раздражает. Ов реку богиню нарицаеть и зверь живющъ в ней яко Бога нарицаь, требу творить», и т. д.²⁸ В Номоканоне, напечатанном во Львове в 1646 году, пишется следующее: «О верных, последующих Еллинским обычаям и плясанием на брацех, и на стогну творящих, или русалком, или гласовом птичим верующих, или новомесячию, или оустретениям, или истязанием внимающих, или огня паления на стогнах, яже творяху Еллини древле. А ныне яко же видим христианские дети сия творят (купала), в навечерия праздничные по некоему обычаю древнему: или в одежду женскую мужие облачатся и жены в мужескую: или наличники, яко же в странах Латинских зле обыкши творят». Митрополит русский Кирилл в XIII веке в правиле своем замечает: «Паки же уведехом бесовская еще държаще обычая треклятых Еллин, в божественные праздники позоры некакы бесовские творити, с свистанием и с кличем и выплем сзывающее неки скаредный пьяница, и бьющееся дрьколением до самая смерти и възимающе от убиваемых порты. На укоризну се бывает Божиим праздником и на досаждение Божиим церквам. Паче о сем досажает нашему Спасу и Заступу, иже нас избави от проказы смертныя и от туги дьяволя и обьвеселивай сердца наша святыми честными праздники» и т. д. Из древних письменных памятников видно, что с самого принятия христианской веры по XVIII столетие было много язычников в областях России и древних суеверий, к коим относятся и встреча с монахом как предвестие несчастья, обливание водой в праздники и на свадьбах и волшебства, против коих восставали иерархи российские. Даже в XVII веке митрополит Белгородский и Обоянский Мисаил в грамоте своей в Курск упоминает, что там «в Воскресные, Господские и Богородичные дни умножилось великое пьянство и бесовское глумление и скоморошество со всякими бесовскими играми: сходились по вечерам и во все-нощных позорищах по улицам и на полях, слушать богомерзких песней и всяких бесовских

игр; а о Рождестве Хр. и до Богоявленияго дни собиралися по вечерам и в нощи на бесовския игры» и т. д.²⁹

Как у римлян гладиаторские игры (*ludi funebres*), так у славян *Тризна*, соответствующая скифо-гуннской *Strava*, чешской *Strowa*, учреждены были в память усопших. «Уже поздно, – говорит Тертуллиан, – игры перешли от чествования богов и усопших к чествованию живых». Пиршество в честь мертвых, или *Стправ а*, по свидетельству византийских историков, было причиной великого бедствия славян в VI веке, тогда побитых греками³⁰. У северных народов, по мнению Вормия, *de rebus Danicis*, *Стпшава* было пиршество в память и честь усопших, на их могилах; о нем упоминает и Карл Великий в Капитул (VI, с. 194). Великая княгиня Ольга, в язычестве совершившая по своему мужу тризну, соединенную с убийствами, в христианстве своим, по сказанию наших летописателей, запретила сыну своему делать в память о себе тризну по обычаю языческому³¹. Как летописи ясно говорят, что кривичи, северяне, вятичи и радимичи, подобно римлянам, сожигали мертвых, то заведение это на Севере, особливо в Скандинавии общее, перенесено варяго-руссами в Россию и недавно повторялось при борьбе Греции с Турцией: тогда паргиноты, проданные Али-паше, покидая свою родину, сожгли кости своих предков. Самое слово *Тризна*, сходное с богемским *trúznění* – *умерщвление, терзание*, объясняется в Словаре Памвы Берынды *поединком, ширмерством*³². Посему очевидно, что она сопровождалась единоборствами, убийствами и *терзаниями* себе лица и груди на могиле покойника, как благоугодными тени его жертвами, и пиршеством, на коем поминались дела его с похвалами. К тризнам отнести можно *Родительские* (*Parentalia*, *Οἱα*) и наши *Радунницы*, о коих скажем подробнее в своем месте.

Во многих германских и славянских землях доселе сохранились следы праздников в честь мертвых: в Саксонии, Лаузице, Богемии, Силезии и Польше народ хаживал 1 марта, в час рассвета, с факелами на кладбища и там приносил жертвы усопшим. На кладбищах, кои в Псковской и Тверской губерниях называются *буйями* и *буйвищами*, доныне в Святки делают гадания. Празднование Семика приходилось в тот самый день, когда, по древнему обычаю, погребали и поминали убогих на скудельницах, или убогих домах. В Троицкую субботу, как видно из Стоглава, «сходились мужи и жены на жальники (то есть на кладбища) и плакали на могилах с великим кричанием, и когда там станут играть скоморохи и гудошники: то они перестанут плакать и начнут скакать, плясать и в ладоши бить на тех жальниках». С исключением последнего, подобный обряд наблюдается и доныне в Смоленской губернии. О лай Великий и другие описывают старинные обряды перед наступлением Великого поста в мертвое воскресенье (*Todsonntag*), изгнания зимы, или смерти, кои встречаются у славянских и германских племен, а в Польше известен под именем *Маржаны*. В это же время франки совершали подобное торжество в память усопших, соединенное с мимическими представлениями и песнопениями.

2. К древним праздникам язычества принадлежат *Русалии*, кои совершались на Русальной неделе, то есть неделе Святых Отец. Вальсамон называет этот праздник древним, чужестранным, о коем упомянем особенно. При Длугоше в XV веке у поляков повторялось в Пятидесятницу языческое празднество *Стадо*, сходное с сибирской и московской *Тюлтою*, или *Семиком*³³.

Иностранные путешественники в Россию XVII века описывают древний народный праздник, приходившийся в *Петров день*; тогда жены и девицы, дотоле сидевшие взаперти дома, наряженные выходили на луга и там качались на качелях и скакали на досках, пели песни в веселых хороводах с рукоплесканиями³⁴. В Стоглаве упоминается о *наливках*, на кои хаживал народ в первый понедельник Петрова поста. Торжество сие вероятно совершалось в честь Ярилы, который и ныне около этого времени вспоминается в разных губерниях России, особливо северных и южных. В Тульской губернии на Петров день за час до рассвета крестьяне

и крестьянки в праздничных нарядах собираются на холм *караулить солнце*³⁵, которое, по их мнению, согласно с мнением исландцев³⁶, на своем восходе *играет* так, как и в светлое Воскресенье. Ладо воспевается в *праздник солнца* и в Семик, прообразующий в себе символический союз неба с землей и плодотворную любовь между обоими полами.

Из явлений в природе, столь ощутительных для человека, повороты солнца, разделяющие год на две равные части, были сильным поводом к учреждению среди племен славяно-русских праздников *Коледы* и *Купали*, сколь важных своим отношением к нуждам человека, столь же древним и по своему происхождению. Они не только существовали у славян, но и у многих народов Европы и Азии под разными только именами, имея символами своими в одном воду, в другом огонь. В них заметны сродное человеку стремление к сближению с духовным миром и поклонение первенствующим стихиям мира, которое, вероятно, есть остаток славянского богослужения; ибо на севере России доселе простой народ величает огонь и воду *Царем* и *Царицей*. Относящиеся к тому и другому празднику мифы – более физические, чем исторические. Византийские историки упоминают о принадлежностях праздника Коледы (рождение непобедимого Солнца, *natalis Solis invicti*, у римлян), известного у скандинавов под именем Jol, у англо-саксов под именем *Материнской ночи* (*Moedre-nicht*)³⁷.

У земледельческих племен древнейшие и важнейшие праздники были после жатвы, кои только одни упоминаются у Гомера в «Одиссее» и «Илиаде»³⁸. Как славяне были земледельческим народом, который, имея свою систему земледелия, сообщил оную и другим соседственным племенам, то они отправляли при начале и конце сельских работ разные праздники, коих следы и доныне сохраняются в *дожинках*, *обжинках*, *засевках*, *досевках*, *толоках*.

Датчанин Саксон в XII веке повествует о празднике, совершавшемся к Арконе, по собрании хлеба, в честь Световида, которому приносился медовый пирог (пряник) в рост человеческий. Самый Бел-бог, как виновник хорошей жатвы³⁹, назывался *богом мух* вероятно потому, что в конце лета бывает множество мух. Славяне, посвящая земледельческие труды свои и плоды оных разным божествам, учреждали в честь их празднества, сходные с иудейским праздником жит первородных. Обычай этот перенесли они в свое христианство и доныне во многих странах России после жатвы приносят в церковь для освящения первые снопы и хлеб из первых зерен, а после выемки сотов из ульев – первые соты меда. Родившиеся от нужд и отношений общественных праздники *житейские* на Юге и Севере России получали различную физиономию как от климата, почвы и давности занятия земли, так равно и от нравов и образа жизни жителей, чем дальше к Северу, тем их было менее.

Как религиозные языческие, так и житейские праздники по своей внешности, внутренности и знаменованию изменялись в разные эпохи, в кои они протекали, именно: в *языческую*, или дохристианскую, *греческую* до татар, в *восточно-европейскую* от влияния татар, Литвы, Польши, и в *западно-европейскую* от Петра I до наших времен.

Не останавливаясь более здесь на язычестве славяно-русском, о коем выше сказано, перейдем к греческой христианской эпохе, в коей являлись следы оногo; тогда коренные идеи у народа облекались в разные новые образы и проникали чуждые ему мысли, нередко выходила *старая погудка на новый лад*.

В разных областях России еще оставались древние поверья и обряды долго после введения веры христианской в Киеве и Новгороде.

При Несторе летописце, в праздники церковные святые храмы стояли пусты, и народ сходил на игрища *десять позоры*, по его выражению: *Христиане суще, а жили по поганским обычаям*. Являлись кудесники, или волхвы, как представители древнего язычества, и нередко возмущали простодушных жителей России, еще не твердых в христианстве, которые колебались между старым верованием и вновь принятой ими верой, между заблуждением и истиной. При новгородском епископе Феодоре весь народ принял сторону такого кудесника и хотел

убить своего архипастыря, на стороне ж епископа остался один с боярами князь Глеб, который поразил топором проповедника язычества и тем кончил мятеж⁴⁰. В XII веке св. Авраамий, сокрушивший чудесно кумир Велеса, или Волоса, крестил в Ростове многих язычников тогда, как этот город был Владимирской областью⁴¹; в XIII веке Муром наполнен был язычниками, как видно из жития Благоверного князя Константина⁴².

В эту эпоху встречаются языческие имена и прозвища, какие давались христианам, например *Волосы, Водовики, Русалки*⁴³, двойственные имена языческие и христианские.

Когда татары изневоливали Россию, когда ее великие князья хаживали в Орду с выходом в течение более нежели двух веков, тогда свободнее продолжались различные языческие суеверия между жителями разобщенных областей России, закосневшими в оных. Хотя при монголо-татарах, с XIV века магометанах, самые князья и вельможи русские принуждены были проходить сквозь огонь, *поклоняться кусту и идолам*; но как народ гнушался *поганскими обычаями*, то они и не могли в нем укорениться. Если и было влияние татар на Россию, то более внешнее, чем внутреннее⁴⁴.

Хотя с освобождением России от татарской неволи и с постепенным уничтожением удельной системы истреблялись или изменялись древние обычаи и поверья язычества, однако при переселении жителей из Новгорода, Пскова и других областей переносились с пепелищ на новоселья, гнездясь то в дремучих лесах, то на горах, то на погостах и жальниках, то на берегах рек и озер. После родственного союза Иоанна III с домом Палеологов, на Московщине, как средоточии России, из Греции и Рима перешли некоторые тамошние обычаи и предания, тогда, по выражению летописца, *земля наша замешалась и старые обычаи переставились*⁴⁵. Но как обычай, по старой пословице, *не клетка, не переставишь*, то многие из них оставались у простого народа в своей силе даже и тогда, когда между высшим сословием заменялись новыми, иноземными.

Грамоты новгородских архиепископов, Макария в Водскую пятину 1534 года и Феодосия 1548 года и послание игумена Памфила 1505 года в Псков, свидетельствуют о существовании там языческих требищ и обрядов⁴⁶. В Стоглаве упоминаются совершавшиеся дотоле *Русалы* об Иванове дне, сходбища в навечерие Рождества Христова и Богоявления на ночное плещевание, бесчинный говор, бесовские песни и пляски, кои оканчивались на утренней заре омовением в реках, и *Кликание мертвых* в Великий четверг, в который утром жгли солому, *Оклички* в первый день Пасхи, *Вьюнец* на Радоницы, *Наливки* в понедельник Петрова поста. Там же запрещается присутствие кудесников и ворожей при судебных поединках и скоморохов на жальниках в Троицкую субботу, в которую там на могилах за воплями и плачем следовали скоморошеские игры с пением, плясками и рукоплесканием, и т. д. Но и сам председатель Стоглавого собора, царь Иоанн Васильевич, с опричниками надевал на себя личины о Святках и Маслянице⁴⁷. В Русских соборах XVI и XVII веков, в грамотах, пастырских посланиях и житиях святых в России упоминаются древние языческие суеверия и обычаи, кои иногда входили в состав расколов и ересей, тогда возникавших. По сближении России с Европейским Западом через Литву и Польшу и по присоединении малой России к великой перешли на Север наши некоторые западные суеверия и обычаи. В судебных актах того времени часто встречаются следствия о *колдовстве* и *чародействе*, составляющих также народное верование, и о других действиях магии, коим верили во всей Европе.

В 1684 году патриарх Иоаким указом своим запретил бывшие на Москве «скверная и бесовская действия и игрища в навечерии Рождества Христова. Тогда, — пишет он, — ненаказании мужескаго пола и женскаго собрався многим числом, от старых и молодых, мужи с женами и девки ходят по улицам и переулкам к беснованным и бесовским песням, сложенным ими, многия сквернословия присовокупляют, и плясание творят, на разжение блудных нечистот и

прочих грехопадений, и преображающиеся в неподобная от Бога создания, образ человеческий премеяюще, бесовское и кумирское личат, косматые, и иными бесовскими ухищреньми содеянные образы надевающе, плясанными и прочими ухищреньми православных Христиан прельщают; також и по Рождестве Христове во 12 днх до Крещения Господа нашего И. Христа таковая ж бесовская игралища и позорища содевают». Так как Кормчая запрещает *христианом играми и на позорища ходити*, то патриарх Адриан в 1697 году в инструкции своей старостам поповским предписывает «не хоронить ни на кладбище, ни на убогом дому, а на поле и в лесу тех, которые, играя, утонут или с качели убьются».

В эпоху преобразования России Петром I личность народная сильно изменилась от влияния европейского образования, многие старые обычаи в городах вытеснялись новыми, иноземными, или запрещались царскими указами; самая одежда, жилища, образ жизни испытали перемены, кои неохотно принимали не только простолюдины, но и высшее сословие народа. Из духовного Регламента, Розыска св. Димитрия Тупталы, проповедей и указов того времени видно, что в течение сорока лет борьбы старины с новизной не везде и не совсем истребились прежние суеверия язычества, являясь в разных местах России, как то: благоговение к старым деревьям в лесах, олицетворение пятницы и т. п. Сам преобразователь иногда невольно обращался от чужеземных забав к русским потехам, давая *простор русскому уму*: в Святые вечера он с любимцами своими святошничал, переряженный, славил Христа по домам⁴⁸ и совершал другие старинные обряды, вероятно, для того чтобы сделать оные смешными и этим средством уничтожить. Указом 27 сентября 1722 года позволены «в храмовые праздники при монастырях и знатных приходах, по совершении литургии и крестного хождения, *народные забавы для народного полирования, а не для какого безобразия*».

Святейший Правительствующий синод 17 апреля 1721 года приказал объявить нарочно: «Понеже в Правительствующем Духовном Синоде ведомо учинилось, что в Российском государстве как в городах, так и в весях происходит от невежд некоторое непотребство, а именно во всю Светлую седмицу Пасхи ежели кто не бывает у утрени, такового, аки бы штрафуя, обливают водой и в реках и в прудах купают; и хотя сие простой народ делает себе будто за забаву праздничную, однако от той суетной забавы деется не токмо здоровый, но и животу человеческому тщета; ибо оным от невежд купанием в глубинах иногда людей потопляют или разбивают, а сонных и хмельных внезапным обливанием ума лишают; к тому ж будто бы воспоминают *мерзких идолов, в них же был некий идол Купало, ему же на Велик день приносили жертву оным купанием; о чем пространно зрится в летописце Киевском*. Но понеже во оные времена российский народ еще не совершенно восприял святую православную веру и в ней не крепко утвердился, а ныне уже милосердием Божиим оный во благочестии сияет, а помянутого обычая невежды оставить не могут: того ради оный богопротивный и живот человеческий вредящий обычай весьма истребить, и впредь того в Российском государстве отнюдь не было б».

После Бироновских ужасов, стеснивших русскую душу, русские в царствование Елизаветы Петровны стали свободнее дышать, как говорится: *жить припеваючи*. Тогда народ увидел самую государыню в старинном русском платье, услышал ее голос в своих песнях среди веселых хороводов на игрищах; при самом дворе бывали и святочные игры и оперы итальянские и маскарады. В это время пробудилась народность в своих праздниках и потехах, откликнулась в песнях и прибаутках, сказках и загадках: не боялись о Маслянице кататься, в Святки ходить наряженные по улицам гурьбами, спрашивать имена у встречных и поперечных, подслушивать под окнами, на перекрестках гадать, свободно носили по улицам в городах и селах березку в Семик с песнями. Это продолжалось и при Екатерине II, которая любила русские игры и одежды, сама сочиняла сказки в русском вкусе, собирала пословицы народные и писала историю Русского государства.

С открытием наместничеств в России последовала большая перемена как в нравах и обычаях народных, так и в общественных празднествах, потехах и играх, кои сделались скромнее и

пристойнее; постепенно оставляемы были буйства и бесчинства, коими сопровождались оные. Вдали от столиц, в разных областях России старинные праздники и поверья язычества сохранились одни в большей, другие в меньшей силе; дни оных праздновались гуляньями или увеселениями на прежних местах, нередко самые их названия или преданы забвению, или получили другое значение, отдаленное от древнего, до коего трудно и добраться. Наследственные предания у народа нередко согласуются с летописями или дополняются ими, самые игрища и гульбища своими названиями напоминают о древнем быте, подтверждаемом поверьями и обычаями, песнями и сказаниями, пословицами и сказками: из них слагается, хотя и в неясных чертах, картина древнего верования народа, самородное произведение его почвы, совокупность его исконных праздников, а в них проявляется его дух, его жизнь внутренняя. Преследуя сии остатки древнего верования и быта народа в разных эпохах его жизни, видим, что языческие торжества сперва удерживались как отеческие благоговейные обряды, а потом превратились в игры и увеселения, сделавшиеся какой-то житейской необходимостью. Хотя древнее иногда уступало место новому, однако оно часто клало свою печать на последнее⁴⁹.

К новым праздникам относится *Первомайское гулянье* (Мeye-tag), или *Немецкие станы*, в Москве, которое, по преданию, заведено при царе Алексие Михайловиче немцами, им вызванными. Как у европейских народов прежде год начинался маем, то Вальпургиева ночь на 1 мая и относящиеся к ней суеверия остаются еще при перемене времени года. Забавный обычай обманывать *первого апреля* перенесен на Русь немцами, которые в 1700 году сделали из этого первое представление в Москве. *Новый год* с XV века в России празднован с сентября по церковному чиноположению, в день Симеона *летопрводца*, в который государи Российские назначали срок личного суда своим подданным; с 1700 года новолетие начинается январем месяцем, который Петр I ознаменовал торжеством в европейском вкусе с невиданными дотоле на Руси церемониями и обрядами. Вероятно, с того времени старый сентябрьский год прослыл *бабым летом*⁵⁰, которое Г. Шишков правдоподобно производит от созвездия *Бабы* (семь звезд, утичье гнездо, Плеяды), появляющегося с половины августа до половины сентября⁵¹. Но сие название найдем у немцев, поляков и сербов. По примеру европейских государств Петр I давал всенародные праздники по случаю знаменитых побед и заключения мира, полезного или славного для отечества, завел ассамблеи; в его царствование блистательны были праздники князя Меншикова, так как при Екатерине II – князя Потемкина. Кому не известен достопамятный этнографический маскарад, бывший при императрице Анне Ивановне, рыцарский, карусель и другие великолепнейшие праздники при Екатерине II, достойные особенного описания⁵²; ибо в них выражались дух того времени и память великих событий.

3. Как сама природа имеет свои праздники, на кои приглашает человека, то и он, торжественно и благоговейно встречая и провожая каждое время года, заимствует от природы белые или черные краски, радостные или унылые звуки, делит с ней веселье и горе; ощущая жизнь в природе, сам в ней живет и все собою олицетворяет. Видимые периодические перемены в природе, разделяющие продолжение времени на равные части, подали повод ознаменовать каждое время года сперва религиозными, потом житейскими праздниками, кои относятся к земледельческим трудам и хозяйственным занятиям; в них впадают сроки и сделки, торги и сходы мирские, как то: в *Юрьев* и *Семен дни*, в *Пятницы* и т. д.

Подобно англо-саксам, славяне разделяли год свой на зиму и лето, или на зимнее и летнее солнцестояние, Коледу и Купало, коих символами было колесо (коло), эмблема солнечного поворота, а самые праздники – на *зимние* и *летние*, сообразно своему климату и местности. У древних немцев год разделялся на три части – *зиму*, *весну* и *лето*; первая почиталась священ-

нейшей порой, когда торжествовались главные праздники в честь богов⁵³. При распространении славяно-русских племен по черной, чермной, и белой, малой и великой

России, впоследствии праздники их религиозные и житейские, с умножением нужд и отношений, с развитием их народности и гражданственности, умножались и могли уже делиться на *весенние* и *летние*, *осенние* и *зимние*.

С красной весной празднуется союз (лад) двух начал одушевленного человеком мира, который представляет небом и землей оба пола; растения, животные, люди суть плоды этого лада⁵⁴. В древности у русских *пролетием* назывались три весенние месяца, с коих начинаются обновление природы, новолетие и праздники народные, какими встречается весна при появлении первой хлебной птицы, грача, и весенней пташки, жаворонка: по их прилетию народ делает свои авгурии об урожае хлеба и печет из теста изображения сих перелетных пташек. Первый пролетный месяц, или березозоль, март, коему сам Бог даровал первенство⁵⁵, у славянских и скандинавских племен, как у персов, сопровождается разными торжествами и играми в честь усопших; богемцы, отчасти германцы, этот день почитают первым весенним⁵⁶; в России у простолюдинов тогда празднуется *Авсень*, *Овсень*, или *Таусень*, который перенесен на новый год с января и заключает в себе другие праздники, как *Васильевы вечера* или *Святки* перед январем и после оног⁵⁷. Но как, по различию климата, в разных полосах России праздники сии переходят в разные дни месяцев, кои посему имеют названия народные, кроме книжных⁵⁸, то пастушеские и земледельческие празднества в средней и северной полосе России начинаются позднее, чем в южной, заимствуя от местности и от нравов жителей особенное выражение. Таким образом собственно *красная весна* и *Красная горка*, начинающаяся *Закликаньем весны* и *Радуницей*, празднуются или в *Фомин понедельник*, или в Егорьев день, в срок хозяйственных условий и времени выгона скота в поле с песнями об охранении стад и с ночными хождениями, что и доныне бывает около Буя, Солигалича и в других странах России. Олицетворяя *Пятницу*, народ особенно празднует ее, в *обетные пятницы* не работает, во *временные* после Пасхи по разным местам собирается на ярмарки или торги, на кои, по преданию, вывозили изображение св. Параскевии, обвешенное платками и лентами. В Духовном Регламенте замечено, что «в малой России, в полку Стародубском, в пяток водят жонку простовласу, под именем Пятницы, и водят в ходе церковном и при церкви честь оной отдает народ с дары и со упованием некия пользы». Самые часовни с образом св. Параскевии Пятницы, стоящие обыкновенно на перекрестках, слынут между простолюдьем *Пятницами*. Переходом от весенних праздников к летним служит *Первомайское гулянье*.

Из летних праздников известны в России: *Семик*, или *Тюльпа*, *Ярило*, *Девятая пятница*, *Купало* и *Купальница*, *Русалии*, о коих подробно скажем в своем месте.

Из осенних: *Обжинки*, *Спожинки*, *овинные именины*, *Бабье лето*, или *Семен день*, или *Летопроводца*, *Аспосов день*, или *Госпожска* в Минской губернии 8 сентября, *Осенины*, *Дмитриевская суббота*, соответствующая Дединам и Задушному дню в Литве и Польше (*Dziady*, *Dzien zaduszny*), а в Костромской губернии называемая *вселенской*, *поминальной*, *Юрьев день*, или *Егорий осенний*, и пр.

К зимним относятся: *Каледа*, или *Святки*, известные у карпатороссов и других славянских племен под именем *Корочуна*, *Васильев вечер*, *Масленица* с предшествующей ей *родительской*, которая приходится в феврале, бывшем у римлян последним месяцем года, когда у них отправлялись *Feralia* и когда в Германии на севере и юге и у славян совершались пиршества и игрища, с коими соединялось драматическое представление — *изгнание зимы*, или *смерти*, как бы предпразднество обновления года с наступлением весны и символическое представление борьбы смерти с жизнью в природе⁵⁹. Как весна в Малороссии встречается *закликаньем*, или *веснянкой*, сходной с греческим *хελιδόνιοι*, так равно *проводятся* весна и зима с разными

обрядами, особенно ношением соломенной куклы, одетой в сарафан кумачный и в кокошник и украшенной лентами и цветами, что доныне бывает в Саратовской губернии не только при проводах весны и зимы, но и в Госпожинки по уборке хлеба. В других праздниках представляет главное действующее лицо, вероятно, какое-либо божество, избранный от мира человек, иногда юноша, иногда старик, иногда девица, например, в Ярилу, в Семик, в Всесвятское заговенье водят избранного человека, украшенного цвета и лентами; об Маслянице возят на колесе, укрепленном на столбе, в больших санях наряженного мужика, который напоминает собою древнего Крода, и т. д.

Кроме сих народных праздников бывают в течение четырех времен года *братчины, ссыпчины, холки, посиделки, беседы, Никольщины, приходские праздники* и т. д., на кои сбором со всего мира готовится кушанье и варится пиво.

4. По отношению к годовым временам и к самым церковным празднествам, в кои впадают народные праздники, одни из них предшествуют Пасхе, другие последуют за оною⁶⁰; одни из них приходятся на разные числа месяцев, то ранее, то позже, и называются *подвижными*, например, *Радуница, Семик, Масленица*; а постоянно случающиеся в одинаковые числа месяцев именуются *неподвижными*: *Семин день, или Бабье лето, Купало и Купальница, Святки*. В разных полосах России некоторые из сих праздников, особливо примененные к годовым временам по климату, столь разнообразному, отправляются то ранее, то позднее, например, *Авсень, Ярило, Красная горка, Госпожинки* и пр. Некоторые из праздников и обрядов бывают *чрезвычайные*, или *обетные*, какие отправляются по особенным случаям, например, во время мора, скотского падежа и других напастей, как то: *Пятницы, изгнание коровьей смерти, или опахиванье*, и пр.

Как народные, так и семейные праздники продолжаются обыкновенно три дня, а иногда и целую неделю. Как у скандинавов Июлийские игры, так у русских Святки продолжались двенадцать суток (*die zwölf Nachte*).

Большая часть праздников народных отправляется днем, а некоторые из них ночью, как увидим в частном описании оных: одни из них целый день с утра до ночи, другие после полудня вечером и даже ночью, особливо соединенные с гаданиями. В Тверской и Новгородской губерниях с Петрова дня девушки целый месяц гуляют по ночам. Навечерия и кануны некоторых праздников церковных посвящались простым народом на празднества и обряды языческого происхождения, что самое подтверждается Номоканоном, Стоглавом и Прологами. Такое навечерие описывается в Стоглаве следующими словами: «Накануне, на вечерни праздников Рождества Христова, Богоявления и Ивана Предтечи, сходились мужи, жены и девицы на ночное плещование, безчинный говор, на бесовския песни и скакание до самага разсвета до заутрень, когда они, умывшись в реке водою, расходились по домам». Сходно со Стоглавом свидетельствует Кранц в описании Саксонии, в XVII веке, что «в Галберштадтской деревне Шолбеке накануне Рождества Христова ночью, на погосте св. Магна, юноши и мужи с девицами провожали всю ночь в пьянстве и безчинных плясках, коими прерывали утреннее богослужение»⁶¹.

5. Естественно, народные поверья и праздники должны делиться на *отечественные* и *заимствованные* от чужих племен, с коими сближались славяне в предысторические и исторические времена. Но весь объем тех и других указать и с точностью разграничить едва ли возможно, как описать их начало, изменение, переходы, развитие, распространение и заимствование, посему должно ограничиться только главными чертами.

Судя по степени образованности русских славян, как нам описывают их западные и восточные историки, между ними возникли немногие праздники, истекшие из местности, быта и духа, кои положили на оные свою печать. Сколько время ни изглаживало ее, однако оттиски ее проглядывают на почве родной, как черты древней живописи из-под новых красок, на нее наложенных.

У южных славян, живших на щедрой земле и под ясным небом, на приволье лугов и лесов, могли скорее родиться праздники, чем у северных, у которых была продолжительнейшая зима, обширные болота и скудные средства для житья-бытья. Когда стала развиваться жизнь народная в обществах и городах у жителей русского севера и когда они вошли в сношения с другими племенами, тогда у них с торгами появились праздники, кои носят на себе знамение любимых их занятий скотоводством и земледелием, отпечаток качеств их климата, местности и нравов. Как годовое время делилось у них на *зиму* и *лето*, то и весь круг их трудов и религиозных и житейских празднеств заключался зимним и летним солнцестояниями, или *Коледой* и *Купалою*, о коих сказано выше. В этот круг внешней и внутренней их жизни входили все торжественные проявления народности и верования. Хотя в славянском переводе Кормчей (62 пр.) пропущены *Русалии*, о коих упоминается в Стоглаве, но патриарх Вальсамон и Дмитрий Хоматин в толкованиях на Кормчую приводят *Русалии*, кои от них вошли и в Стоглав. Они называют сей праздник происходящим в чужих землях (ἐν ταῖς ἑξω χώραις γενόμενα). Так как греки употребляли сие выражение, говоря о странах *северных* в отношении к себе, по замечанию одного из схолиастов на Basilica⁶², то и относится оно к болгарским славянам, у коих существовали Русалии, известные и у русских славян на юге, любимый свой цвет *красный*, или *русый*, клали они на близкие к ним предметы: на времена года, на стихии, на страну, на горы, на леса и на жито. Отсюда: *красная весна*, *красное лето*, *красное солнце*, *красная (червонная) Русь*, *красная горка*, *красный холм*, *красный лес*, *красный хлеб* и т. д. Как *белый* цвет был символом воды и воли, так *красный* — огня и войны, а *черный* — неволи и смерти. Кроме Русалий, праздника духов, коим присваивались и свадьбы на водах, *тризна* принадлежала славяно-руссам и *родительские*, совершавшиеся с языческими обрядами. Поклонение *Перуну*, главному божеству руссов, поляков, пруссов, вендов, чехов и моравов, сопровождалось празднествами, как служение богу скотоводства, *Волосу* и другим, более или менее известным кумирам славяно-русского мира. Особенное благоговение к силам мировым и планетным огню и воде, какое видим в *Купале* и *Купальнице*, без сомнения, есть остаток древнего славянского богослужения, общего с восточными племенами и принесенного на юг и север из общей их колыбели. По свидетельству византийских и отечественных писателей, славяно-русские племена чтили *реки* и *колодези*, или *кладенцы*, *студенцы*⁶³, поклонялись дубам, подобно германцам, и приносили тем и другим жертвы, по коим делали гадания, кидали жребии⁶⁴. На острове Рюгене в дремучем лесу находилось святое озеро *Студенец*, перед коим благоговели славяне. Следы этого благоговения к воде остались в некоторых областях России: между прочим в Буге, уездном городе Костромской губернии, доселе девки в великий Четверток *кликают весну* и, ежели раскрылась вода, входят в реку, и одна с другой, схватясь за руки, припевают: *весна, весна красна, приди весна, с милостью, с милостью, с великою благостью!*

Особенное внимание заслуживают обряды, совершаемые при свадьбах, погребениях, на сельских праздниках и в хороводных играх. Многие из них столь древни, что напоминают нам об исконном сродстве нашем с греками и римлянами, или, по крайней мере, об одинаковом с ними происхождении из древнего уголка Азии — рассадника всех европейских народов и всего земного населения⁶⁵.

Если по сходству обычаев и языка одного народа с другим можно заключать о сродстве оных, то и о сродстве славяно-руссов с восточными, германскими племенами, греко-римлянами и другими народами можно судить по сходству некоторых их поверий, религиозных обря-

дов и многих слов в языках. Время и место такого сродства между сими народами, скрываясь во мраке предысторических времен, объясняются отчасти соображениями, внешними и внутренними признаками: к ним относятся быт и дух народа с его поверьями, обычаями и праздниками, из коих обыкновенно заимствует один народ у другого более сообразные с местностью своей и с естественными и нравственными потребностями. Кроме сего, сходство может быть в символах, почерпаемых из одного общего источника – природы, по врожденному человеку побуждению. Поклонение первенствующим стихиям огню и воде, благоговение к рекам, например Бугу, Дунаю, Дону, прославляемым в песнях народных, частые омовения и купанье, сожигание мертвых общи у жителей Востока со славяно-руссами в их язычестве. О перескакивании через огонь для очищения, о почтении к священным дубравам и горам упоминается в Ветхом Завете как о памятниках древнего идолопоклонства, заимствованных евреями от сириян и финикиян⁶⁶. Гебры и парсы в Ост-Индии, исповедуя сабеизм и признавая единство Бога под именем Yerd, почитают солнце и огонь его символами. У халдеев небесное божество называлось Nebo, по-санскритски Nabo, Nibu, по-арабски neba – наше *небо*. В богоучении восточных индейцев встречается славянский *Перун*, в честь которого совершается в январе, во время зимнего солнцестояния, праздник *Перун-Понгол*, или *Великий Понгол*, сопровождаемый гаданиями – *Угадали* (Ougahdy), он продолжается три дня, в кои приносятся жертвы земле и огню: первый день называется *радостью*, другой – днем *солнца*, третий – днем *быков и коров*. Представители огнепоклонения у персов именовались *Пирами* и *Магами*. Кто не узнает в их *Копале*, покаяннике, нашего *Купалу*, в их *Баши* и *Башихе* – бога и *божиху*, *богиню*, о коих мы выше упомянули? Самая обитель усопших предков, темное место, Индра, у индейцев именуется *Ямой* (Yama), священные игры 1 апреля – *Гулями* (Houli, Huli, Holaka), сходными с нашими *гулочками*, и т. д.⁶⁷

Сходство греческих мифов и обрядов с индейскими привело многих ученых к заключению, что они вместе с нечуждыми им славянами почерпали их из одного источника в предысторические времена; после переселения народов возобновилась связь славян с греками – первые проникли в самую Грецию и там в Пелопоннесе запечатлели следы свои в наименовании разных урочищ. В последствии войны, мирные и торговые сделки, путешествия славяно-руссов в Грецию, наконец принятие ими христианской веры от греков, служили проводниками в русский мир греческих обычаев, поверий и речений, из коих многие еще могли быть общими у славян с греками в те предысторические времена, когда сии народы, по всему вероятию, составляли одно племя, посему сходство в словах и поверьях того и другого было не случайное, а существенное, основанное на происхождении сих племен древнего мира от одного корня. Как византийцы называли язычников *элинами* для отличия от правоверных – греков⁶⁸, а языческие обряды *элинскими*, то и русские именовали свои древние, дохристианские обычаи *элинскими*. Без сомнения, от греков заимствованы кроме церковных праздников и житейские, вместе с их обычаями и уставами, кои больше действовали на высшие сословия народа, чем на простолюдинов, приверженных к древним обычаям и поверьям своих предков. Гомеровский эпитет Ареса (Марса) γούρος *ярый*, столь сходный с арабским *тавром*, со скандинавским *Туром* и этрусским Turan, находится и в Игровой песне *Буй-Тур*, так равно эпитет *Вулкана* παλίγκωτος, *паки-гневающийся*, близок с прозванием св. Бориса в Белоруссии, который слывет *паликотом*, или *паликопом*, потому что подобно древнему Вулкану на нечтущих памяти его низводит перуны! В самом слове *Перун* отзывается греческое πῖρ *огнь*. Наша *мать земля* близка с Γῆ μήτηρ, или Δά μάτηρ *земля-мать*, или Церера, кормилица рода человеческого. В древностях элинских встречаются сходные со славянскими *родительские* (Γενέδια, Οδία), *птицезовование* (οἰωνομαντεία), *литье соска в воду* (κρηρομαντεία), *гадание* или *колдование* (κλήδονες, новогреч. κλήδονα), при коем и доныне кладут не только женщины, но и мужчины в сосуд перстень или монету, которую вынимают под песни⁶⁹. У греков также изве-

стен был божеский суд – испытание железом (μίδρος)⁷⁰. Наш Семик имеет сходство с Адонисовым праздником, при окончании коего греки бросали в море или реку венки, цветы и древесные листья⁷¹, или с упоминаемым в Феодосиевом уложении Δενδροφορία – ношением ветвей древесных по городу в честь одного божества; русская одного божества; русская игра *жив, жив* (ξη, εξη?) *курилка*, похожа на торжественное в честь Прометея беганье со светочами (λαμπάδοφορία, λαμπάδούχος αγών)⁷². Гнедич объясняет праздник и песни Коляды греческим словом χολάδες, то есть *внутренности, кишки*, по сходству с малороссийским обычаем при коледовании просить в награду *кольцо колбасы*⁷³. У Гомера в «Илиаде» над трупом Гектора делается *причитание* (ἰάλεμος), какие сохранились в летописях наших и какие употребительны у простолюдинов. Самое слово *игра* однородно с греческим ὑγρόν, кои были хороводы при таинствах Цереры⁷⁴, даже наш *хоровод*, или *коровод*, у других славянских племен известный под именем *коло*⁷⁵, эллинского происхождения, от χορός *хор, лик поющих и пляшущих*, и ἄγω *веду*, как бы *посолонь*, или от χοροβάτεω *ступая в хоре*; ибо собственно хоровод прообразовал течение солнца. Многие из праздников эллинских, также как у русских, продолжались *три дня* (τριήμερία); самое слово *сорокоуст* есть позднее греческое Σαράκοντα и Σαράντα – *сорок дней*. Ф. Греф доказывает из «Илиады» (VII п. ст. 171), что наш простой народ также метает жребии, как метали греки на полях Троянских⁷⁶.

Нынешние греки удержали у себя многие обычаи и поверья древних предков своих: у них есть родники, *криницы* (κρήναι), почитаемые священными, как у нас, куда они приносят больных для исцеления⁷⁷. *Первого мая* (Πρωτομαΐα) у них двери всех домов, как у нас в Семик, украшаются цветами и ветвями и вся Греция встречает начало лета увеселениями народными. Грекам, вероятно, славяне русские подражали в замене богов язычества святыми христианства. Как все прекрасное и благое происходит от Бога через посредство ангелов и святых, которые у греков заступили место полубогов и гениев, посему у них также Сорок мучеников приводят весну и соловьев, св. Николай Чудотворец утишает бури, а св. Георгий, весьма уважаемый самыми турками, покровительствует земледелию и скотоводству, и там его днем торжественно открывается год пастушеский и празднуется семейным пиршеством, на коем съедают первенца стада⁷⁸.

От древнего сродства в предысторические времена славян с римлянами, которые сами хвалились происхождением своим от венетов, славянского племени, потом от соседства латинских колоний с славянскими народами по Дунаю и наконец от влияния греко-римлян в средние века на Россию, вошло в русский мир много поверий и обычаев, а в язык – много слов римских. Древний римский язык, по мнению Арндта и Г. Мейдингера, ближе со славянским, чем с немецким⁷⁹. Сколько римского доселе осталось в общих чертах русского народа, в его быту, в законах, в календаре и т. и.! Выше заметили мы о сходстве некоторых народных суеверий и религиозных обрядов у римлян со славяно-руссами, к которым могли перейти оные посредством немцев и литовцев. Гений-хранитель, *постень* (incubus, succubus, ἐφιάλτης), *домовой* (domiducus, са), *родительские* (parentalia), *девятины* (novemdialia) и прочие, возводят нас к религиям пеласгийским, столь сходным с древне-италийскими. Если ближе сличить происхождение и знаменование некоторых богов римских, то они, может статься, найдутся нечуждыми славянским. Скандинавская Freya, вероятно, родственница с римской Frutis-Seja, или Seiana, и славянской *Севанюю*, происходящей от *сеяния*, как Vertumnus – бог садов и плодов от *верша*, сада⁸⁰. Древние русские слова *див* и *дива* близки с латинскими divus, diva, или с упоминаемыми в Салийских песнях Deivos sanos и Deiva sana, божеств солнца и луны, сходных с нашими *Ладом* и *Ладюю*. Неопределенность пола божеств ясно выражается в самых молитвах квиритов: sive deus, sive dea⁸¹. Благоговение к аеролитам и камням одинаковое почти было у славян русских с

римлянами и греками, которые имели у себя *ombria*, *lapides sacri*, *baetyli*, *κεραυνίας* и *Jupiter lapis*, которым они клялись.

У латинцев хождения вокруг полей перед посевом и после посева *Ambarvalia*, *Sementinae* похожи на подобные русские обряды, кои и доныне существуют у простого народа. Упомянутые в Стоглаве *гудцы* и *прегудницы*, игравшие со скоморохами на могилах покойников, близки с латинскими *tibicines* и *fidicines*, а *плакуши* с *graeficae*. Подобно древним римлянам, народцы, населявшие Русь, сжигали своих умерших для того, чтобы тленные остатки сохранить от поругания и душу очистить от скверны плоти. У русских и доныне, по Уставу церковному, бросают землю на мертвого, как бывало у жителей лацийских⁸², по совершении же похоронных обрядов, дают обед в память усопших – латинский *silicernium*, *charistia*. Как у римлян делались возлияния (*libations*, *minibus patentabatur*) на жертвенник, сооруженный перед гробницей⁸³, так доселе в некоторых местах России, например, в Галиче, в *родительские*, *третины*, *девятины* и *сорочины* льют панихиду (канун) на могилы покойников. Из Луциана и Ювенала видим, что греки и римляне клали на гробницы яйца, как очистительные жертвы, что доныне наблюдается в Радунцу между простым народом в России. Упоминаемые в Кормчей *Каланды Январские*, неизвестные эллинам, во многом сходны с играми святочными, так как и старинные слова *скураты* и *ларвы*, или личины, хари, встречающиеся в отеческих книгах, в свойстве с латинскими *scutga* и *larva*; даже в Номоканоне Афонской горы (Киев, 1624) говорится, что «ныне в одежду женскую мужи облачатыся, и жены в мужскую, или наличники, якоже в странах *Латинских* (Христиан Западной Церкви) зле обыкоша, творят». Впрочем может быть и то, как замечает Р. Тимковский, что «наряды в маски и разные странные одеяния, какие и теперь бывают во время Масляницы, заранее перешли к предкам нашим от скандинавов и греков»⁸⁴. Римляне во время *Палилий*, праздника основания Рима, как у нас в Купалу, *налили* сухое дерево и хворост, и через этот огонь троекратно перескакивали. Канне в мифологии своей вместе с издателями *Edda Saemundina* находит очевидное сходство латинской *Палесы* — *Pales* с азиатским *Bal*, *Baal*, скандинавским *Bál* *огнь, пламя*, и русским *палити* – жечь и *палило*. *Палием* в Малороссии прозывается св. Пантелеймон, потому что он *палит* копны сена и скирды хлеба у тех, кто работает в его праздник.

В мае месяце совершался в Риме при Остии праздник (*Maiuma*), во время коего мужчины обливали друг друга водой⁸⁵, как бывало на Руси во время всей Светлой седмицы. В Риме, в идах мая, торжественно кидали со священного моста в Тибр тростниковых болванов (*simulacra scirpea*). Немецкие славяне и жители некоторых областей России доселе бросают в реки с различными обрядами соломенные чучела весной и летом. Как у римлян, так и у русских май месяц почитался неблагоприятным для супружеств; у первых была пословица: *Mense Maio nubunt mali*, сходная с приметой последних: *Кто в мае женится, тот будет маяться*, и с французской: *Noces de Mai, nocces mortelles*⁸⁶. В свадебных обрядах римлян и русских находится много сходного: само слово *свадьба*, старое *сватба*, одного корня с латинским *suada*, то есть *привлекательная*, прозвание Венеры, так равно и свадебный *коровай* с латинским древним обрядом бракосочетания *confarreatio*, при коем, по свидетельству Т. Варрона, в древности у римлян на пороге ставились огонь и вода – первый знаменовал мужа, а вторая – жену: ибо огонь оплодотворяет, а вода производит.

Кто не узнает в приводимом церковными книгами *воронограе*, *птицезолховании* и в сохранившихся доселе между простым народом гаданиях по клеванию, пению и полету птиц этрусско-римские *auguria* и *auspicia*? Сколько было примет у них, сходных с нашими! Чихание (*sternutatio*), при коем они говорили, так же как и мы, *здравствуй* (*salve*)⁸⁷, *звон в ушах* (*tinnitus aurium*)⁸⁸, *чесотка зубов* (*pruritus dentium*)⁸⁹, *просыпание соли* на столе и т. д.

У римлян, веривших также *призору очес*, или *изурочиванью*, было и божество *Fascinus*, предохранявшее от этого и младенцев (*custos infantium*); они оговаривались и оплевывались,

когда кто хвалил их дородство или красоту, как видно из следующих слов Петрония (sat. p. 805: *Nos peracto carmine, me expuere jussit*). У них были, так же как у нас, *черные*, или *злые*, дни (*dies atri*), в кои они ничего не начинали. Местами жертвоприношений и совершения других священных обрядов, подобно славянам и немцам, были у римлян священные дубравы (*luci*) и источники (*fontes*); ибо, по словам Липсия, древнее существовало поверье, что «источники и реки почитались меньшими богами и гениями». Это сходно со словами, включенными в славянскую рукопись XI века, о коей выше приведено: «Ов реку богиню нарицает и зверь живущ в ней яко бога нарицаая, требу творит». Римляне также приносили богам своим цветы, ладан⁹⁰, свечи⁹¹, мед, кроме обыкновенных жертв животными, делали из металлов по обещанию привески изображений больных частей тела (*e voto*), очищали лустральною водою людей, оскверненных преступлениями, поля, дома и города (*lustratio ordinaria et extraordinaria*)⁹². «Весну, – по свидетельству И. Лаврентия Лидийского, – называли они *зеленою*, присваивая сей цвет земле, а лето – *красным*, посвящая красный цвет огню и Марсу»⁹³. Праздники у римлян продолжались по большей части три дня, как у русских⁹⁴.

Западные писатели о славянской мифологии, по нелепому обычаю греков и римлян, часто сравнивали славянские божества с римскими, составляли новые, небывалые⁹⁵.

Выше заметили мы о сходстве славянской мифологии во многих чертах со скандинавской, нашли в ней *Перуна*, *Волоса* своего и другие мифы; то же сходство найдется и во многих обрядах и праздниках народных. Скандинавы, или варяги, разделяли так же год на два равноденствия, кои знаменовались праздниками – зимнее Польским (*Iuul*, *Joel*), который отправлялся в Норвегии более в честь Тора, а в Дании посвящался Одину для испрошения благословенной жатвы и скорого возвращения солнца: оный соответствует нашим

Святкам, кои у датчан называются *Iuul*; они прежде сопровождалась переряживанием⁹⁶ людей в козлов, лошадей и быков. Известный в святошных наших играх *суженый ряженный* почти одинаковую роль играет со скандинавским *Julevetten*, который внезапно является в дома. При византийском дворе варанги (варяги) и готфы, составлявшие царскую дружину, по свидетельству Константина Порфирородного и Кодина⁹⁷, об Рождестве Христове являлись в личинах и шубах, вывороченных на изнанку, вертелись, ударяли жезлами в щиты и пели песни под музыку. Сии святочные игры слыли в Царьграде *готическими* и продолжались до самого разрушения Византийской империи⁹⁸. В летнее равноденствие (*Midsommersnat*, или *Sankt Hans Aften*) у датчан везде на севере зажигались костры, некогда посвящавшиеся Балдеру и называемые в России *купальским огнем*; там, подобно как у нас, в этот день купаются для здоровья и собираемые травы (*Sankt Hans Urt*) почитаются целительными от порчей и недугов.

День Тором, или Туров четверг, слыущий у датчан в простонародье *зеленым* и *легким* для дел, из языческого праздника 692 года по Рождеству Христову превращен в христианское торжество римско-католической церкви под именем *dies viridium*, на основании псалма XXIII, 2, в коем слово *viridis* выражено на славянском *злачный*. Издревле в Исландии при начале весны праздновали в четверг Тору и доньне празднуют, как в России *Семицкий четверг*. Тогда, по мнению скандинавов, Тор, победив Тиасса, зимнего гиганта, воспринимал полное владычество в природе. Исландскому названию соответствует немецкое: *der grune*, *der hohe Donnerstag*, английское *holy Thursday*, то есть *святой Туров день*, и шведское *Helig Thorsdag*, в который простолюдины в Германии имели обыкновение есть зелень. Вероятно, что к миру славянорусского язычества относится народная поговорка о чем-либо несбыточном: *после дождичка в четверг*. Майский праздник, по-тевтонски *Meue-tag*, был радостнейшим у шведов, датчан, германцев, англов: он отправлялся и в Германии, и в Дании, в известное время года, с песнями и хороводами вокруг майского древа. Как у нас в Семик, так у них в этот Майский празд-

ник поселяне увенчивают себя цветами и носят в руках зеленые древесные ветви. Майский праздник при Олае Великом торжественно совершался в Швеции самим королем и его двором, который вмешивался в веселые толпы народа. То же бывало и в Дании. Как персиане в новый свой год, при возвращении весны, имеют обыкновение дарить друзей своих раскрашенными яйцами, так скандинавы и русские в продолжение Пасхи христосуются и меняются красными яйцами. *Первого апреля* обманывают друг друга не только на Руси, но и в Дании, Швеции и Новегии, где также празднуется 23 апреля – *Егорьев день* (Jorgen на датском, Gogan на шведском), когда в Исландии и Финляндии торжествуется наступление весны, или летней поры, с различными языческими обрядами. Св. Георгию суеверие жителей скандинавских придавало почти такие же качества и дела, какие Тору или Одину. Крещеные варяги прежде веровали в славяно-русского Перуна и в Тора. Между именами руссов, заключивших договор, находятся *Турбид* и *Турберн*, которые, по-видимому, соответствуют скандинавским Thorfrid, Thorfid и Thorbern¹⁰⁰. В Костромской губернии доселе поют песню в честь Тура:

Ой, Тур – молодец удалой!
Тур из города большого
Вызывал красну девицу
С ним на траве побороться,
Ой, Дид Ладо, побороться;

и пр.

Когда, по низвержении в Скандинавии кумиров Тура, одержавшего, по народному преданию, победу над драконом, поставлен был лик св. Михаила Архангела, низринувшего сатану, суеверие народа стало смешивать лица и действия того и другого; день Архангела (Mihiltag) празднуется, особенно в Дании, веселыми пиршествами, кои называются *осенними*, *жсатвенными* (Host-Gilde), а в Борнголме – *Михайловскими*, изображение его осталось в древних храмах Скандинавии.

В мире скандинавском так же, как и в славянском, есть обряд *изгнания зимы* и *встречи лета* в Васильев вечер на Новый год там делаются гадания о будущем, замечаются разные приметы. У исландцев тогда простолюдины толпами ходят ночью по улицам с песнями и криком, бьют горшки у дверей домов; также наряжаются мужчины женщинами, а женщины мужчинами, надевают на себя разные личины, и т. д.

При ближайшем сравнении простонародных Месяцословов скандинавских, вероятно, откроется еще большее сходство древнего их богоучения и богослужения со славяно-русским. Что же касается до германской мифологии, то она занимает середину между кельтической и северною. Древнейшее соседство и смешение славянских племен с немцами, которых они называли и *фрягами*, разумея вообще под сим именем западных европейцев¹⁰¹, особливо в северной и восточной Германии, сильно подействовало на язык тех и других, в коем находится множество сходных слов, выражающих потребности житейские; там чисто славянские названия многих городов, селений, гор, долин, рек, лесов повторились и в северо-восточной части России, куда могла переселиться балтийская русь с берегов Эльбы, Одера, Вислы. Из сего можно заключить, что они, заимствуя одни от других слова, заимствовали и многие поверья, обычаи и праздники, как выражение их местности, быта и духа; русь заморская перенесла в мир славянский туземные предания, поговорки и пословицы, кои у нас обрусели. Как богоучение, так и богослужение западных славян, живших среди немцев, во многом было отлично от северо-восточных. Когда первые от единобожия перешли к многобожию, то у них расплодилось божества, неизвестные последним и общие с немцами, и даже сходные с римскими,

которые оставили там следы свои колониями и станами. Хотя славяне, подобно германцам, предпочтительно поклонялись своим божествам на горах и в священных дубравах (Heiden), от коих и получили свое название язычники, так как *поганые* (pagani) от *pagi* – *сели*, где они укрывались, однако имели храмы, куда стекались в праздники на богослужение с женами и детьми. Столицей славянского язычества и торговли был *Рюген*, приют *руси*, смешавшейся со славянскими племенами¹⁰², кои иногда выдавались за англо-саксов. Некоторые божества у нее были общие с поруссами, или пруссами, например Перун, который у них назывался Perkun и обожаем был вместе с Потримпом-юношей и Николом-старцем; символом первого был огонь, второго – змея, третьего – мертвая голова человеческая. Sema, или Semina, была богиней земли. Венды люнебургские, долго спустя по принятии христианства, приносили у священного дерева в жертву петуха, который у скандинавов был символом огня, что дало повод к датской поговорке о пожаре: *der rode Hane galer over Taget*, то есть *красный петух поет на кровле*. В Германии говорят простолюдины: *den rothen Hahn aufstecken* вместо *зажечь*. В Самарии петух был символом бога огня¹⁰³. Как в Германии на Брокене-горе в Вальпургиеву ночь собирались колдуньи, так и в Киеве слетались на Иванов день ведьмы на Лысую гору: к такому суеверному мнению вероятно дали повод древние сходбища язычников, их жертвоприношения и совершение языческих обрядов на сих местах¹⁰⁴.

Немцы и славяне, бывшие в близких между собою отношениях по своей местности и политическому влиянию, представляют разительное сходство во многих поверьях, обрядах, обычаях и словах, так что трудно решить, кто от кого прежде заимствовался; но вероятнее – с чем соглашаются Клуверий и другие – первые от последних¹⁰⁵. Подобно немцам, славяне поклонялись на *горах* и в *заповедных рощах* и *дремучих лесах*, где хоронились усопшие, благоговели пред водой и огнем, старыми деревьями, особливо *дубами* и *липами*, под коими у них чинились суд и расправа¹⁰⁶. Большие *камни* (Gotzensteine, Altartische) в нижней Германии, Скандинавии и Целтических странах были местами жертвоприношений и судопроизводства. Венский бог *вода* (Wodha), коего особенно чтили в Ретре, принимается заодно с немецким *Воданом*, или *Одином*, так как *Водяник*, или *дедушка водяной*, – с

Wassermann, *Русалки* – с Niren, Undinen, и с немецким провинциальным словом Ruschelchen, род духов женского пола, а *домовые* – с Hausmanner, Gutgen, и т. д. Разные племена германские имели различных богов покровителей (Schulzgotter), даже всякое семейство – своего бога в источнике, дереве и оружии, коим они клялись. Другие божества, особливо у западных славян, сходствуют с древними немецкими и с англосакскими, то же почти можно сказать и о праздниках.

Как у славян, народа земледельческого, и год назывался *летом*, то у германских племен, заимствовавших земледелие от первых, годы считались *жатвами*; на древнем готическом языке *уеар*, *аар*, исландском и датском *аар* (выгов: *ор*) и *аг* – *год*, *весна*, *лето*, *жатва*, потом *Jaar*, *Jahr* значило собственно жатву; ибо на вендском языке *лето* именуется *яр*, а летний плод – *ярина*, *ярища*, отсюда и наше *яровое*. У немцев *Mittelwinter* – середина зимы и *Mittelsommer* – середина лета соответствовали Июлийскому празднику и Иванову дню.

В 742 году запрещалось законами первым христианам Германии праздновать *первое января* переодеванием мужчин в женские платья, а женщин в мужские, и маскированием тех и других: тогда совершался в Европе известный *праздник дураков* (das Narrenfest, festival of fools, la fete des foux) до XVI века. Доныне даже о Святках (Weihnachten) в Германии девицы льют олово и свинец в воду, когда желают узнать, какого ремесла будет у них муж; в полночь стучатся в курятник с особенными прибаутками, ежели в это время запоем петух, то они верят, что скоро будут замужем и т. и.¹⁰⁷ Многие другие суеверия совершались в двенадцать дней сего праздника. Как Богоявление некогда было праздником середины зимы у готфов, германцев, датчан и других, от сего и различные названия этому дню, например: *das grosse neue Jahr*, *das*

Bohnenfest, то есть великий новый год, бобовый праздник. Сие название относится к обычаю подавать в этот день большое блюдо с одним бобом; кому боб достанется, тот и называется *Царь-боб* (*Bohnenkonig*, *Roi de la fKve*), который вероятно перешел к нам под именем *Царя-гороха*¹⁰⁸. В этот день датские поселянки призывают Трех царей (*heilige drey Konige*), которым и в Костромской губернии есть славенье; а в Пруссии в Гумбинненском округе, от Рождества Христова до праздника Трех царей, всякий вечер проводят в забавах, переходя из дому в дом, на Светлое Воскресенье обливают водой мужчины женщин, а женщины мужчин, как и в Польше, и России. О сходном обряде *изгнания зимы* (*Bild des Winters*) у германских славян выше упомянуто нами. Дни *св. Георгия* весеннего, христианского витязя, и *св. Михаила Архангела* (*Jurgens-*, или *Georgienstag*, *Michelstag*) служили сроками работ и наймов, праздновались с разными языческими обрядами в Дании, Швеции и Германии, особенно первой встречей весны или летнего периода¹⁰⁹.

Первого апреля обманывать – было древним обычаем северных народов; у немцев это называлось: *in den April schicken*, а у французов: *donner un poisson d'Avril* – *провести кого*, от сего и произошла пословица: *Es ist der erste April, da man einen jeden Narren hinschickt, wohin man will*, то есть *Первого апреля всякого дурака проводят, как хотят*¹¹⁰. *Первое мая* (*Maietag*), по-тевтонски *Меуе*, или *Meuge-Tag*, сопровождался и в Германии, и в Дании веселыми песнями вокруг Майского дерева, березки (*Maipole*, *Maien*), которое заменяется Семицкой березкой в России: мы выше заметили о сходбище ведьм на Брокене (*Bructerus*) под Первое мая, как на Лысой горе (Щекавице) у Киева на Иванов день. В Германии, в Тюрингене, перед Троицыным днем бывает сходный с русским Семиком праздник венков (*das Kranzefest*)¹¹¹; наш *Иванов день*, или *Купало*, в существе своем одинаков с немецким *Johannistag*, или *der Mittelsommer*, когда зажигается *Иванов огонь* (*Johannisfeuer*). У пруссов было божество весны и веселья – *Луго*, близкое с нашим Ладом. В честь него зажигался *под липою* огонь на Иванов день, и там плясали всю ночь с песнями, кои оканчивались припевом: *Луго! Луго!*¹¹².

О Троицыне дне, называемом Цветной Пасхой, и в Германии во многих провинциях доныне употребляются *Pfingst-Maien* и *Pfingst-* или *Maien-Tanze*, то есть Троицкие деревья и пляски; церкви и колокольни украшаются березками (*Maien*, *betulae*). Этот обычай, столь близкий с обрядами иудейского праздника кущей, многие писатели выводят из римского язычества, почитая оный остатком игр в честь богини *Май*, матери проводника душ Меркурия (*Majuma*). В Англии бывают в Гренвичском парке *Троицкие игры* (*Whitsunday and holy day's stories*)¹¹³.

Известное в России *бабье лето* соответствует немецкому *alter Weiber Sommer*, то есть старое женское лето, или *Marienfaden*, – *нити паутин*, бывающие в сентябре¹¹⁴. В начале ноября, когда горными шотландцами возжигаются костры в память усопших, называемые у них *огнем мира и покоя*; тогда немцы пекут род хлеба или блинов *die Seelenivecke*, или *Zucker-Seele*, – *сахарная душа*; этот день (2 ноября) у датчан известен под именем *Sialudagr* – *день всех душ*, соответствующий нашей осенней родительской. У древних германцев, по свидетельству Тацита¹¹⁵, трупы знаменитых мужей сжигались, а над прахом их насыпаемы были курганы. У эстов, прибрежных жителей Балтийского моря, в IX веке погребение именитых мужей сопровождалось *тризною*, которая состояла в пишестве и конском ристании, на коем победители по жребию получали имение покойного¹¹⁶. Праздники пред сеянием полей и по окончании жатвы (*Erntefeste*) у немцев сходны с русскими, у которых *Авсень* одинаков с *Awsten*, или *Ausfaen*, – *посев*¹¹⁷. У немцев бездельный понеделник (*blauer Montag*) Масляницы сопровождался обжорством, пьянством и разными потехами, тогда ели блины (*Kringeln*) или оладьи, также качались на качелях.

У славян русских и у немецких племен был *суд Божий* (*Dei judicium*, *examen*, *Gottes Gericht*), или *Ордалии*, кои ведут свое начало от язычества, из глубокой древности, и кои

столько укоренились в веровании народа; они долго терпимы были в самом христианстве¹¹⁸; употребительные у немцев и славян русских Божии суды были: *испытание огнем* (Feuerurtheil, judicium ignis), *водою* (Wasserurtheil, judicium aquae, или aquaticum Dei judicium) и *судебный поединок*, или *поле* (Kampfurtheil, judicium pugnae, duellum, judicium campi)¹¹⁹. Первое у русских славян *правда железо, на железо*¹²⁰, у сербов – *mazija*, или *испытание раскаленным железом*, употреблялось в важнейших делах, а другое (*на воду*) в менее важных, преимущественно в суде колдунов, чародеев и воров, коих бросали в воду, подобно как и кумиры – отверженных богов. Единоборством, или полем, как способом славнейшим и благороднейшим, решались тяжбы¹²¹. Немцы и скандинавы клялись Одним и Тором, славяне – Перуном, а литовцы – Перкуном, божествами грома; он держал в руке кусок железа, разжигаемого при испытании огнем обвиняемых. Может быть, и самое слово *право* происходит от *Прове, Правно*, у немцев Probe, Pro we, или даже наоборот. Вагры почитали Прове богом права, правосудия, одинаково с Перуном¹²². У древних скандинавов торжественное принятие клятвы выражалось словом *така*, сходным с нашим *так* \ очистительная присяга, или клятва, называлась *Lade*, на старом немецком *Leita*, отсюда и глаголы *такать* и *ладить* в значении *присягать* и *клясться*. Например, в пословице: *Новгородцы такали, да Новгород и протекали*.

Между поверьями есть довольно одинаковых у немцев и славянорусов, например: *сглазить*, или *изурочить*, *beschreien*, *einen bösen Blick haben*; у первых есть *Springwurz*, как у других *разрыв-трава*, или *спрыг-трава*, которая отпирает все замки и открывает сокровища. Вера в *волшебниц* и *колдуний* (Hexen, Wettermacherinnen) сходна у русских славян с немцами¹²³, равно как и другие суеверия, кои у последних не могла совершенно истребить и самая Реформация. От мифологии древнегерманской, столь сходной во многих чертах со славянской, перейдем к финской и литовской.

В начале истории нашей финны и чудь суть развалины каких-то огромных народов, превратившихся в массу других племен – варягов и славян: остатки финских поколений находятся в разных российских губерниях, особенно северных и восточных, под разными названиями. Посему и самых россиян можно разделять на россиян славянского и финского происхождения, хотя при таком превращении невозможно, чтобы у них не сохранились коренные и кровные их качества в позднейших их поколениях¹²⁴.

Северные славяне, поселяясь между финскими племенами и по соседству с оными и превышавая их своей образованностью, более сообщили им своих понятий и обычаев, чем сами от них заимствовали. Последние долее оставались в язычестве, чем первые: у них глубже укоренились древние суеверия, нежели у русских славян. В именах мифологических между русским и финским почти нет сходства, кроме весьма малого, например: *Перун* в Ригу, родительный – *Pirum*¹²⁵. У финнов также празднуется Иванов день, в который ночью зажигается костер из хвороста и сучьев, известный под именем *Kokko*¹²⁶, а в Новгородской губернии, где есть и селение *Кокуй*, называется этот огонь *кокуем*, от которого, вероятно, получила свое наименование *Кукуевой* Немецкая слобода в Москве¹²⁷. В XVI веке чудь и русские на Иванов день, 24 июня, собирали травы в пустынях и дубравах с суеверными обрядами, а ночью веселились, били в бубны, играли на сопелях и гудках; молодежи и девицы плясали, обнимались с юношами, забывая стыд и целомудрие¹²⁸.

Абевега и Георги свидетельствуют, что ижорцы, племя финское, на Иванов день под дубом закаляют белого петуха, который у скандинавов был символом огня. *Колдовство, волшебство, коби и кудесы*, или *чудеса*, господствовали между финскими племенами и чудинами, даже самые новгородцы нередко ходили к чудским *кудесникам* для гаданий. Сами скандинавы почитали финнов величайшими колдунами и чародеями, а землю их – страной чудес и превращений. В средние века имя *финн* то же значило, что *колдун*; даже и до сих пор в Финляндии

есть колдуны (Tietyat, Noijat)¹²⁹. Как у балтийских славян главный храм находился в Ретре, так у финнов – в Биармии и посвящен был Юмале: в Ретрийском Пантеоне находились вместе со славянскими и тевтонскими финские божества.

Достоин замечания и исследование то, что суеверные понятия почти одинаковы у всех жителей глубокого Севера: финские колдуны, татарские шаманы, гренландские ангекоксы сходны в своих действиях. У шведов и русских финны заимствовали многие поверья, обычаи и обряды. Они думают, что в лесах живет пара страшных леших – один мужского пола Liekkoner, являющийся иногда в виде птицы, собаки, человека, другой – женского, Ajattara, сбивающий с дороги прохожих и проезжих. У шведов домовый, известный под именем Мага, у финнов называется рапнајінен, то есть *гнетущий, давящий* — ходит в виде белой кошки или белой женщины, освещающей собой всю комнату, как *постель*, наваливается на спящего и давит грудь его так, что тот не может поворотиться. В Карелии, недалеко от Выборга, есть гора каменная, слышущая у финнов Турјап wuогі, то есть *гора Тура*, или *Тора*, прославляемого в некоторых финских и русских песнях и столь известного в скандинавской мифологии. Как на юге России ведьмы слетаются на Лысую гору под Иванов день, так, по мнению финнов, в ночь на Светлое Воскресенье они уносят собранные ими шерсть и хвосты на высокую гору, называемую по-фински Blakulla, или Blocks-berget, – островок, находящийся в Кальмарском проливе.

В праздничные дни у финнов совершаются разные суеверные обряды, частью остатки от времен католицизма, например, в *Егорьев день* (23 апреля), который празднуется песнями, играми и попойками, в *Екатеринин* (25 ноября), *всех Святых*. Как у велико-россиян в день Бориса и Глеба, так у финнов в день св. Олова (29 июля) не занимаются сельскими работами, чтобы не лишиться плода оных. Христианские праздники отправляются у финнов со многими увеселениями и играми; на Святой они готовят пресные лепешки из муки (mammi), об Рождестве Христове в честь грома пекут большой хлеб, выставляемый накануне сего праздника и хранимый до весеннего посева, во время коего он раздается всем домашним. Рождество (Joulu) почитается величайшим в году торжеством; на третий день оно (27 декабря, память св. Стефана) молодые мужчины, ходя со двора на двор, спрашивают: *дома ли Стефан?* Ответом служит угощение пивом и вином. В Саволаксии, особенно в Карелии и северной Остроботнии, день всех Святых (Kekri, Кбугу) есть большой праздник жатвы, совершаемый со многими суеверными обрядами и песнями. Во вторник на Маслянице по всей Финляндии едят блины и другие жирные кушанья, катаются на санях и лыжах по горам, а на Святой неделе, подобно русским, качаются на качелях. В весенние и летние праздники бывают *хороводы*, кои прежде важивали старухи.

Как литовская мифология и эртология представляют нам многие черты, общие со славянорусскими и древнепрусскими, то, прежде чем приступим к сличению оных, скажем о самом значении *литвы*. Под словом *литва* разумеются два разных племени, именно: 1) Литва означает Великое княжество Литовское в наибольшем его распространении; а как собственная Литва, говорящая своим особенным языком, составляла самую малую часть народонаселения, то под Литвой разумели россиян, или русинов, Великого княжества Литовского; 2) литва – народ отличного от славян племени, говорящий языком неведомого происхождения и известный в Виленской губернии под именем *жмуди*. У польских писателей Литва часто употребляется вместо Литовской Руси и вместо *жмуди* или *самогичии*. В отечественных летописях литва называется *поганою*, вероятно, по приверженности оной к по-ганским, то есть языческим, обычаям.

Литовская мифология подвергалась сильному влиянию римских переселенцев, германцев и славян. Между великими и малыми богами и богинями оной встречаются сходные с римскими и греческими¹³⁰. У литовцев Perkunas, как у славян Перун, почитался богом грома,

которым они клялись; самое слово на литовском значило *громовой удар*. Когда гремит гром, то и донныне литовцы говорят: *Перку и едет на своей колеснице*. У литовского города Ромове стоял огромный вечнозеленый дуб, посвященный Перкуну, предприяти коим теплился неугасаемый огонь. Вместе с городом истреблен и дуб Гедемином в XIV веке. К имени *Перу* и придалось у первых Dewas, или Div, то есть *бог*. Литовский Gurko, известный также под именем Ziemienikas, по мнению Бандке¹³¹, соответствовал славянскому *Горовиду*, а может быть, и *горке*, преобразившейся в уменьшительное от имени *Георгия*: Гурко был богом земным урожая хлеба. Богиней, матерью святого огня, была у литовцев Praugime, сходная с римской Вестой. Ладо, как выше заметили мы, известна была у литовцев, у которых дни с 25 мая по 25 июня посвящались сему божеству, коему приносили в жертву белых петухов, в честь его певались девицами на лугах песни с припевами, какие и в русских есть песнях: Lado, Lado, Lado, didie musu dewe, то есть *Ладо! великая наша богиня!* Простолюдины величали ее *золотой Ладой*, которая, по-видимому, то же была, что у обдорцев *Золотая баба*, имевшая храм свой на Оби. Мать перунов и молний именовалась Perku-natele, разделявшая с Перуном владычество на земле им на небе; в жмуди давалось сие прозвание Пресвятой Богородице: Ponpa Marya Perkunatele, или Perkuniја. В Виленской губернии 2 февраля празднуется Преев. Богородице Марие *громнице* (Gromniczey Nayswietssey ranny Maryi), во время богослужения народ стоит в церкви со свечами, кои называет gromnicy¹³². Русская литва в поговорках и песнях своих упоминает богиню Dola и Pilwis, сходную с римской Fortuna и славянскими *Дажба*, *Дажь-бог*. Известная в сказаниях и поговорках русского народа *мать земля* соответствует литовской Zemmes mahti, подземной богине, пребывавшей в середине земли. Что у россиян на юге русалки, то у литовцев Dukna, у жмуди Gudelka, а на Украине *мавки* — особенный род русалок. Свадебный божок Lubleniczu, Lubicz, происходящий от русского глагола *любить*, есть литовский Гименей. Посредники между людьми и богами, похожие на русских *домовых*, у литовцев были Siemi dewas, Koboli, *постень* — Ajtwaros, *злыдни* — Zlydni, кои завсегда делают пакости и разорение. Где они водворятся, там спорынью съедают (oni spor zjadaja)¹³³. Подобно славянам русским, литовцы благоговели к *камням*, кои назывались Gamaheu, Gamaheus lapis, к *горам* (katnar), к священному огню, *Зничу*¹³⁴, сходно с индейцами к *рекам священным*, *святым озерам*, и из *дерев*, почитаемых священными: бузине, дубу, липе, сосне, вербе, вязу, под коими у них совершались в известные дни года особые обряды языческого происхождения¹³⁵.

В Волынской летописи упоминается о крещении Миндовга в XIII веке, что оно было «лестиво; жря бо богом своим втайне: првому Нонадееви, Телявели и Деверикзу, *заечему богу*, и Медеину; егда же выехаше на поле и выбежаше заец на поле в лесорошения (рощи), не входил в ну и не смеяше ни розги уломиши; и мертвых тела жьжигаше»¹³⁶. Примета сия о перебежании зайцем дороги, существовавшая у древних римлян, — общая у литовцев с русскими. Известно, что в Литве, долго по принятии христианской веры, оставались в народе старые суеверия, с коими он не хотел расстаться, как бы с наследственной святыней, и часто углублялся в дремучие леса совершать оные.

Литовцы с глубокой древности делили время на часы (валунда) дневные и ночные, по двенадцати в каждой половине; долгота оных в разные времена года нам неизвестна. Седмицу, или неделю нашу, они называли Septinin diem, *седмидневие*, начиная счет с пятницы, которая была днем покоя, как наше воскресенье, и почиталась праздником Перкуна. Жрецы их измеряли время по течению светил небесных, знали зодиак, делили год на месяцы (Мёпуо) с одного новолуния до другого; годы их были лунные и, в сравнении с солнечными, имели более двенадцати месяцев. Еще считали они время девятью периодами (кругами), заимствованными от скандинавов. Мифологический их год начинался с апреля, голубиною месяца, посвященного Мильде, богине любви, оканчивался же мартом (Кавас), который посвящен был богу войны.

Имена прибавочных месяцев нам не известны. Латыши вернее сохранили память месяцев по счислению от одного новолуния до другого, и потому их месяцы не совпадают с нашими календарными. Из празднеств литовских, коих память дошла до наших времен, известны следующие, более или менее сходные со славяно-русскими¹³⁷.

1. *Новомесячия*. Каждая первая пятница по новолунии праздновалась более других.

2. *Первый день* (Święto Wiosny) в году торжественно праздновался в честь богини Пергрубы, литовской Флоры и весны, он приходился на первый день апреля (по новому стилю – 22-е), который доньше празднуют в южной Литве по селам: девушки босиком в легкой одежде выбегают за село до восхода солнца и при первых его лучах поют, что идут встречать весну, – так бывает и в южной России на Веснянке¹³⁸. Прибежав к концу села, возвращаются обратно, скачут и с песнями и рукоплесканием пробегают по всему селению; потом в одном доме находят готовую пирушку, где, собравшись, молодежь долго веселится. Стрыйковский, очевидный свидетель остатков сего праздника языческого, описывает нам, что в это время приносили жертвы богам первостепенным, особливо Пергрубе. Несколько сел, сделав складку хлебом на пиво и кушанье, собирались в один обширный дом, где Вуршайт (жрец) за кружкой пива, стоявшей на столе, читал молитву, начинающуюся словами: «О госпоже наша богиня Пергруба, ты прогоняешь неприятную зиму, возвращаешь любезную весну, зеленишь рощи и леса! молим тебя, умножай щедро хлеб наш посеянный, дабы он рос колосисто, а весь куколь вытопчи», и т. д. После молитвы, приносили жертвы одну за другою: Пергрубе, потом Перкуну, чтобы «он отвратил от земли Литовской грады, молнии, громы, ливни, бури и всякий вредные воздушные перемены», и наконец ублажают Свайстикса, бога света, чтобы «он ясным и милостивым лицом озарял нивы, луга, огороды», и богиню Пильвиту, чтобы помогла наполнить житницы плодами.

3. Литовское *Секмине*, сходное с Зелеными Святками, но не имеющее никакой связи с христианским праздником Троицыным и Духовным днем, явно языческое, мифическое, хотя и впадает в оный. Это праздник пастухов, которые вспоминают своего божка Гонигля, литовского Велеса, богиню Ладу и Солнце¹³⁹. И теперь еще сохранились остатки одного в некоторых селах, а прочее – в преданиях. В этот день пастушки с пастухами, нарядясь в праздничные платья, с венками на голове, утром ходят по всему селу от одного дома к другому, где их дарят и потчуют; в полдень на пастбище разводится большой огонь, вокруг коего делается пирушка – избранный старик из пастухов или за неимением его старуха распоряжается оною. Между тем играют на свирелках и трубах, пляшут и поют, вспоминая Гонигля. Так пастухи коров поют: «Гонигле божек, паси мою коровку, паси моего бычка, не допускай вора волка!» Хор пастухов овец: «Пасу, пасу овцы; тебя, волк, не боюсь; ибо солнцевласый бог верно не допустит тебя». Оба хора вместе: «Ладо, Ладо, солнце», и пр. *Грамада* (мир), или *волость*, собравшись в одну пространную *стодолу* (ригу), приводили туда козла и посреди оной раскладывали огонь, а женщины замешивали тесто из пшеничной муки. Когда все было готово, тогда жрец (вейдалиота) садился на возвышенном месте, по произнесении речи, выводил козла на середину и, призвав богов, возлагал на него руки. Потом подняв козла кверху, как очистительную жертву, известную у евреев, пели священную песнь и, наконец, закаляли его и кровью его окропляли народ. Между тем, пока варилась пища, пекли калачи, перебрасывая через огонь; начиналась пирушка, во всю ночь продолжавшаяся. Поутру рано выходили в поле для жертвоприношения подземным богам, которое состояло в зарывании в землю костей и всех останков от сей трапезы. По наблюдениям открывается, что торжество сие с обрядами и жертвоприношениями, более или менее сходными, было общим не токмо по всей Литве, но и в Литовской Руси¹⁴⁰. В южной России, по свидетельству Г. Срезневского¹⁴¹, пели следующую песню, которая изображает жертвенный обряд, похожий на литовский:

За рекою, за быстрою, ой калиодка!
 Леса стоят дремучие,
 Во тех лесах огни горят —
 Огни горят великие,
 Вокруг огней скамьи стоят —
 Скамьи стоят дубовые,
 На тех скамьях добры молодцы —
 Добры молодцы, красны девицы —
 Поют песни калиодушки.
 В середине их старик сидит;
 Он точит свой булатный нож.
 Возле него козел стоит.

4. Накануне св. Иоанна Предтечи, 23 июня (или Ивана Купала), в Литве отправлялся *праздник росы* (Rassa), по-старопрусски *Кекирис*, в честь Ладо. Начиная от праздника пастухов до праздника росы продолжались между работами сельскими песни, игры, забавы, в эту пору и теперь литовские поселяне вообще веселятся. Из этого, может статься, летописцы и заключили, что праздник Ладоны продолжался целый месяц; но он в самом деле начинался накануне 24 июня: эта ночь, собственно, называлась *Роса*, которую праздновали почти все северные народы; ибо почитание богини Ладо было у них общее. Праздник Росы на Руси известен под именем *Купала*, в Литве — *Купайла*, а в Польше — *Соботки* от глагола *собить*, *собина*, *приспособить*, как бы день, приготавливающий к полевым работам, ибо в теплейших странах праздник этот почти сходится с сенокосом¹⁴². Литовцы по селам и городам празднуют Ивановскую ночь. Поздно вечером всегда собираются они на известном месте, избранном и освященном исконными обычаями: там на оболоньи (поляне) ставятся палатки и шалаши, песни, музыка, танцы и разведенные огни продолжают во всю эту ночь. Доныне в Вильне народ вечером 24 июня сходится в лес за город — пить, есть и веселиться, это называется у них: *идти на росу*. В Ивановскую ночь, по мнению народному, цветет для счастливых папорот (паргос), которой известен во всей Белостокской области, на Волыне. Сходбище на одном месте народа называется *стадом* (stado), а пляска — *коркодоном*. В литовском язычестве этот праздник имел свои религиозные обряды, до нас не дошедшие, кроме перескакивания через огонь и ношения факелов и фонарей. Следующий день почитался святым; тогда собирались травы для врачевания скота, также для чарования или колдовства, что делалось и на Руси. Мифологи замечают, что сей праздник, у славян слышущий *Купалой*, соединяем был с молитвами рекам и источникам. Вероятно, и литовцы, которые святили свои воды текучие и стоячие, в этот день приносили им жертвы, бросая их в воду. Даже, может быть, назван он *праздником росы* вследствие мнения древних, что реки суть дети моря, родящиеся от испарений морских, от коих бывает и роса. Замечательно, что онный тем отличен от других, что не оканчивался поминовением усопших.

5. Когда солнце вступает в знак Льва, тогда, при начале жатвы, совершается у литовцев праздник *Зажинок* (Rapiumene). По описанию Ласицкого, сам хозяин, сжав первый снопок ржи, приносил его в дом и ставил в переднем углу; на другой день начиналась жатва. Во время язычества, вероятно, этот снопок нужен был для каких-нибудь религиозных обрядов, отправлявшихся в доме. Пруссские летописцы основывали весь этот торжественный обряд на общем пире всего села, где вкушали новый хлеб. Ныне в Литве при этом случае остались только следующие обряды. Жница, при самом начале жатвы, как скоро захватит и отрежет серпом первую горсть ржи, откладывает ее в сторону; между тем работа продолжается с особенными песнями, поющие жницы сменяют одни других. По окончании дневной работы первая жница, украшенная цветами, несет первенца жатвы впереди всех жниц на барский двор, где угощают

ее с сотрудницами. Все время жатвы в Литве услаждается пением и весельем, оно делается непрерывным празднеством. У древних этот праздник назывался Praorsiae, а у простолюдинов – Praeacturiae, и отправляем был с некоторыми духовными обрядами. Толока (Тюка) известна везде в Литве, где, как в Киевской и других губерниях, на полевую работу приглашаются охотники за хорошее угощение, сопровождаемое песнями и увеселениями.

6. Последний день жатвы, празднуемый в Литве каждым земледельцем, называется *Darimeno*, коего следы есть в Великой, Малой и Белой России. Из последней горсти сжатого хлеба жнецы сплетают венок, украшенный цветами и травами, из среды своей они выбирают молодую вешательницу и по окончании работы идут на барский двор. Избранная предшествует им с оным венком на голове, шествие сопровождается громким пением; хозяин встречает венок с хлебом и стаканом пива на блюде, и в горнице принимает от жницы венок как божий дар. В старые времена кроме такого частного празднования у всякого хозяина бывало общее торжество для всего селения и жертвоприношение богам, какие описывает Груновий, свидетель оных в XVI веке.

7. В сентябре, по окончании полевых работ, когда в Великой России праздновался Семен день, Семейна неделя, бабье лето, Аспосов день; в Литве отправлялся великий праздник, который называет Стрыйковский главнейшим, в честь *Земеника*. В это время приносили на жертву множество домашних животных, самцов и самок, вероятно, в честь отечественных богов и богинь. По свидетельству позднейших летописцев и по преданию народному, на этот праздник собирался народ из всей общины в одно место, принося каждый по достатку свою часть в складчину. В обширнейшем здании посередине накрывался стол столешниками под скатертями; на четырех углах оного ставили большие чаши (цебры) с пивом, приносили туда связанных попарно тельца и телицу, барана и овцу, козла и козу, борова и свинью, петуха и курицу, гуся и гусыню и т. д. Жрец, прочитавши молитву над сими животными, начинал бить их палкой, а присутствовавшие добивали с такими словами: «Это тебе, о Земленик, боже наш, жертвуем и кланяемся, что в минувшее лето ты нас сохранил в здравии, обилии всякого добра и в достатке, соблюдал от огня и меча, от моровой язвы и от всех врагов». Таким образом побив зверей и птиц без пролития крови, варили, жарили мясо, приготавливая кушанья для пирушки, которая сопровождалась игрой на трубах. Сей праздник у пруссов оканчивается при храме Швенте (святыне, ныне святая секира), где находился кумир бога Курко, или Семенника, обрядом сокрушения оного и приготовления нового.

8. *Торжественные поминки*, или *Родительская*, в Литве известна под именем Хавтурей (*Cliauturas*) от Chau – *хов*, *смерть*, отсюда chowai – *хоронить*, *погребать*: она представляла посмертные дары и потчевание покойников. Поминки сии Дедины и Осенины (Osi?) отправлялись в октябре почти в то же время, как у нас бывает Дмитриевская суббота, в память усопших родителей, родственников, друзей и благодетелей. У латышей день сего благоговейного обряда назывался Deewa deenos, то есть Божий день, или Welli, то есть праздник богини вечности Веллоны; в древности, обряды в честь нее напоминали будущую жизнь и трудный путь в вечности. Древнейший этот обычай, общий с Литовской Русью, в западной Руси слышит Dziady – *деды*, *нищие*, которым в это время раздается щедрая милостыня, или, по объяснению Мухлинского, это торжество совершалось в память душ усопших предков, которое прежде называлось пиром козла, где первенствовал козляр, гусяр, жрец и песнопевец¹⁴³. Тогда пекли лепешки (*Sikies wellonia ramixlos*), это был род русских блинов, печеных на сковороде, на коих изображался знак *пемикелиос* — кружок, а над ним подобие креста, или ключ мифический. Такие блины употребляются еще при поминках у татар литовских под названием Джамы, кои на персидском значат *образки*. Подобный праздник у римлян известен был под именем circumrotatio, *круговая чаша*, а у древних славян – *стыта*, или *страва*, на польском и донине ступа значит *похороны*, а strawa – *харч*, *корм*. Радуница, празднуемая в Великой и Белой России во вторник на Фоминой неделе, в Рязанской губернии называется *наской*, иди *навий день*, что

сходно с литовским словом *pavie* – *мертвец*¹⁴⁴, ибо в этот день собираются на могилки на кладбище – поминать родителей. Местом заупокойного пира у литовцев бывает или кладбище, или дом близ оногo. При погребении усопших литовцы употребляли причитания, сходные с русскими простонародными, например: «Для чего ты умер? Разве у тебя не было пищи и питья? Для чего ты умер? Разве у тебя не было красной молодницы?» и пр. У них также в третины, девятины, сорочины делались поминки пиршествами¹⁴⁵. Достойно примечания, что обыкновение делать пиршества в честь усопших было почти общим у всех языческих племен, даже и у народа Божия, как видно из Пророка Иеремии (XVI, 6, 7) и других.

9. *Ильги* (Pigi) – долгий праздник в начале ноября, неизвестный в России, продолжался две недели; по свидетельству летописцев, состоял из великих жертвоприношений Перкуну, бесед, игр (гусярств). Литовский летописец говорит, что самогитяне учредили долгий праздник по такому именно случаю. Когда крыжаки (рыцари креста), овладев всею Самогицией, везде имея свои усадьбы и долго держа природных жителей в неволе и угнетении, вывели их из терпения грабежами и насилием, тогда самогитяне, сговорившись тайно, 3 ноября 1281 года вырезали всех своих утеснителей и потом, пируя две недели сряду, приносили благодарственные жертвы богам и в воспоминание этого события учредили долгий праздник.

10. На третий день после предыдущего отправлялся праздник *Вайжганта*; для оногo избиралась в селении прекрасная, дородная и ловкая девица, которая с венком на голове, в белом платье и с передником, наполненным блинами и оладьями (*sikies*), вводилась в stodолу, или обширное здание, где приготавлилось пиршество, соединенное с особливými обрядами. Стоя на одной ноге на скамье, а другую несколько приподняв, с лицом, обращенным к дверям, она держала в левой руке длинную ленту, а в правой стакан пива, и произносила следующие слова: «Божок Вайжгантос, уроди нам день такой долгий, как я; не допусти, чтобы мы нагие ходили!» Троекратно повторив сие, она сперва выпивала разом пиво, потом лила его на левую сторону скамьи своей и затем бросала стакан на правую сторону. Наконец бросала из фартука все блины вверх: упавшие направо съедались присутствовавшими при этом обряде, упавшие налево обращались в собственность земли и богов подземных, а потому и глубоко зарываемы были ею в землю. Ежели сия девица, род жрицы, не могла устоять во все продолжение обряда на одной ноге, теряла равновесие или падала со скамьи – из сего заключали о неурожае льна. Затем следовали пляски вокруг скамьи: девушки взявшись за руки, скакали, припевая: «Возьмем веретены, сделаем кудели, уставим красны! Вайжгантос будет милостив до нас, ибо банюта, прекраснейшая девушка нашего села, исправно простояла на одной ножке!»

11. В феврале месяце совершается праздник *Рагута* попойкой. В определенное на это время, через восемь дней, народ в Литве предавался разным увеселениям и пьянству в честь северного Бахуса, коего болван, или нечто похожее на него, возили на санях, запряженных пестрыми быками, из деревни в деревню, как в некоторых местах России по Маслянице. Поезд сопровождался масками и толпой народа. У древних литвинов этот праздник назван: *Kurzeemi*, или *Kurzumi*.

12. *Коледой* (*Okkaat-gimimas*) у них оканчивался старый год, который, по новому римскому календарю, приходился почти в половине марта, то есть на исходе луны сего месяца. Впоследствии, при перемене календаря, сей праздник выпадал уже на 25 декабря и отправлялся в честь бога Оккапирмоса, с ворожбой и загадыванием, примирением с врагами и приготовлением себя к жизни добродетельной в новом году, для сего соединены были с этим празднеством угощения, навешания и поздравления. Такой праздник известен был почти всем древним народам. У литовцев накануне Кол еды бывал *вечер колодок*, которые они таскали из селения в селение, перескакивали через оные и потом сжигали их с разными странными обрядами и песнями. Латыши до сих пор помнят Блокковой, или *вечер колодок*, который бывал о рождественских Святках. В Киеве и даже во всей почти Малороссии донныне женатые при-
вязывают к ногам холостых колодку, от коей последние откупаются угощением и деньгами.

Это на Маслянице называется – *волочить колодку*. По наблюдениям Нарбутта, в окрестностях Бовска, по сожжению старой колоды, показывали новый болван из дерева, убранный лентами, который вырывали женщины и куда-то прятали с песнями и криками. По-видимому, это должен быть символ возрождения Оккапирмоса, литовского Сатурна. Накануне Рождества Христова был у них род земледельческого пиршества, на коем были варева из разных хлебных зерен и овощей (кроме бобов), приправленные медом: это вариво и теперь в Литве называется *кутьей* (кусуа). В Украине в это же время готовится подобная кутья, или кутя, и ставится на покути, то есть в углу под образами: в одном горшке – пшеница, в другом – яблоки, сливы, груши, варенные в меду, оба горшка ставятся в сочевники. В ночь на новый год, по верованию литовцев, являлись духи, они гадали о будущем литье воска и олова, как у нас в Васильев вечер. О чертях, упырях, вурдалаках и оборотнях в Литве утвердилось верование из старинных преданий¹⁴⁶. Между свадебными обрядами у литовцев вечер перед венчанием начинается обрядом, известным под именем *кунигования*, который состоит в том, что невеста сопровождается с песнями к господскому дому, где, минув первую дверь, бросает подарок в угол каждой комнаты. Подарки сии состоят из шерстяных поясов, ей окрашенных, из платенц или кусков холста. Несколько раз поклонясь господину в ноги, она возвращается домой с песнями в сопровождении взрослого парня, называемого ее братом. В этом обряде виден род окупа за девицу, выходящую замуж; он известен был во всей Европе под названием: *Cunagium*, *Panienskie*, или *Kunisa*, *девичье*, а на Руси: *куничное*, *свадебная*, *вечная куница*¹⁴⁷. В Костромской губернии доселе поют в свадебных песнях:

А попу-то – куницу, куницу,
А попадь-то – лисицу, лисицу;
А попову-то сынку —
Бумажечку синю.

Славяне в танцах своих верно имели что-нибудь торжественное и религиозное. Когда собиралось стадо Господне, тогда с девичьей горы сходили будущие невесты рыцарей, пригожие молодцы, замужние и женатые, старики и дети, хлопая в ладоши и крича *Ладо, Ладо!* среди танцев и песен шли к городищу, где приносились жертвы и совершались обряды¹⁴⁸. Как в Северо-восточной России вождение танцев или тонков именуется *хороводом*, так Русь и Литва танцы свои прозывают *короходом* (*korohod*), говорит Гвагнин, верно, *скороходом*, при коем хлопают в ладоши и поют Ладо. *Соботки* представляют тоже древние танцы, а следы стада Господнего (*stado boze*) едва уже нашел Ходаковский. Литва почитается гнездом поверьев славяно-русского язычества, нынешняя Самогития носила имя Святой земли. При сличении же мифологии и эртологии литовцев со славянскими открывается, что они ближе к римским и греческим, чем славянские, и что они мало имели связи с польскими мифами и праздниками, исключая те обряды, кои были общими почти всем языческим народам¹⁴⁹. В чем же сходятся божества, поверья и обряды славяно-русские с индейскими, греко-римскими, в том и литовские с ними почти тождественны, например: вечный огонь, благоговение к водам, превращения, прорицания, колдовства, жертвы и даже самые названия богов и духов.

Как о язычестве россиян и чехов, так равно и поляков в IX и X веках дошло до нас мало сведений, какие сохранились у Длугоша, М. Меховского и Бельского, но сведения сии, замечает Бандтке¹⁵⁰, так перепутаны с римскими мифами, что трудно отделить одни от других, ибо сии историки нередко называли польские и славянские божества именами греческих и римских. Кроме господствовавшей мысли о едином творце неба и земли, приводимые Длугошем и его последователями божества встречаются сходные с божествами народов, соплеменных полякам, например: Перун (*perun*, *гром*), Белый и Черный бог, Дажьбог, или Дашуба,

Чур, бог пределов, Коляда, Купало, Ладо, или Лада, Хоре, или Корша, один из киевских богов, также Макошь, или Мокошь, Волос, Прове, или Прово, Стриба, или Стрибог, Посвист, или Похвист, и прочие. В преданиях, сказках, поговорках и песнях у поляков и русских упоминаются Кикиморы, Дубыни, Горыни, Полканы, Волоты, Кашеи. Русалки в Польше называются, по Неману и Свитезю, то немнянками, то свитезянками. Меховита замечает, что как в России припевают *Лада, Лада*, так мазуры восклицают *Дана, Дана, Дада, Дада*. Гванин говорит, что поляки, развеселясь, восклицали: *Lelum polelum*, сходное с русским: *Ай, люли-лю-ли!* От этого и поговорка: *Lelum polelum, swistum poswistum*. Леля и Позвиста Войцицкий почитает за языческие божества в Польше. Длугош утверждает, что божества сии имели капища и требища, вероятно, что они, как велось у славян, чтимы были в заповедных дубравах и на холмах, где совершались торжественные обряды и праздники, на кои, по свидетельству Длугоша, в определенные дни сходились мужчины и женщины с детьми для принесения жертв и исполнения обетов. В честь божеств учреждались игры, сопровождаемые соблазнительными песнями, плясками, скачками и рукоплесканиями, о коих упоминают и домашние наши писатели. «Остатки сих игрищ и обычаев у поляков, – продолжает Длугош, – существуют донныне и по истечении пяти веков их христианства, так, например, ежегодно в дни Пятидесятницы повторяется игрище древних языческих суеверий, которое называется у них *Стадом* (Stado); ибо народ, разделясь на толпы, празднует попойками, криком и неистовыми плясками». Стадо это сходно с нашей *Тюльной*, или толпой (turba?), какая бывает на Семицкой или Троицкой неделе¹⁵¹. Праздник смерти зимы и возобновления весны (Umorzona zima) сопровождается в Великой Польше и Силезии тем, что топят в воде Маржану, убравши чучело в виде женщины. Этот обряд совершается в марте месяце, о коем пословица гласит, что *Miesiąc Marzec zwykł starych straszyć marami*, то есть *месяц март привык морочить* (страшать *марами*, *мечтами*) *старых*. В Польше, как и в России, известно *Марсowe piwo*, мартовское пиво, которое варится к этому празднеству. Нарушевич говорит, что Маржана, или Марана, у поляков, силезцев, лузатинов, сорабов и даже семиградцев, имела божеские почести как богиня смерти, ибо и в Индии Марана значит смерть¹⁵². Мартын Бельский в *Хрошике* своей говорит следующее о происхождении сего торжественного обычая: «Мешко слепорожденный после отца своего избран на царство. У него было семь любовниц, от коих не имел детей, что и печалило его; и потому уговаривали его некоторые христиане, чтобы он крестился, если хочет иметь потомков. Он послал к чехам за дочерью короля Болеслава, что убил брата Вацлава, именем Домбровку. Король чешский на это согласился с тем, если примет святое крещение. Мешко принял это условие и крестился в лето от Рождества Христова 965 в Гнезне, там назвали его Мечиславом от славы доброй, а прежде именовался Мешко от замешательства в государстве и от того, что родился слепым. Он приказал богатым и бедным креститься седьмого марта, ввергнуши в огонь деревянных болванов и побросав в воду каменных. Оттого и ныне еще тот обычай в Великой Польше и Силезии, что седьмого марта топят Маржану, нарядив ее женщиной, и, вышедши из деревни, припевают: «Смерть вьется по заборам, ища хлопот». Ибо незадолго пред тем они почитали планеты, Погоду, Погвизда, Гелу, Ладу, Дзиваиу, то есть Диану, Маржану и многих других. В продолжение *Хроники* М. Бельского, изданной его сыном Хоакимом в 1597 году, подтверждается это следующим свидетельством: «Поляки, приняв христианство, перебили изображения болванов, в коих почитали чертей за богов, везде по городам и деревням, а других сожгли, также уничтожили все языческие мольбища, назначив для сего известный день, седьмое марта. Таковые болваны видел Меховита позолоченные в церкви св. Троицы в Кракове, где они долго валялись на земле. Во время того же Мешка, в Кракове над Вислою, где ныне женский монастырь св. Агнешки, было греческое капище, из коего также Мешко повелел выбросить чертовские болваны и на место оных поставить изваяния страстей Христовых. На моей еще памяти велся у нас по деревням тот обычай, что в белую неделю после поста топили болванов, сделав из снопа или конопля подобие человека и нарядив его в одежду, провожали до озера или лужи,

куда бросали его, сняв одежду, с жалобными припевами». Этот обычай, существующий в славянских землях, совершается и в Саратовской губернии, где при провожании весны делают также соломенное чучело, наряженное в кумачный сарафан и убранные цветами, с чуплюком (кокошником) на голове, с ожерельем на шее. Накануне Петрова дни носят оное по всему селению, потом, раздев, бросают в реку.

Первые дни мая у поляков (*Maj, majówki*), как и у славян, посвящались веселости и гулянию. Голембовский говорит, будто у древних поляков была богиня Мая, покровительница сего месяца, которую прославляли в песнях и плясках. Она сходствует с финской *Ма – земля*; сам Тур, или Тор, по свидетельству саг исландских, был сын земли (*Маја*)¹⁵³, обновляющейся в мае месяце, который находится в созвездии Тура (Тельца). В Литве 1 мая на лугу прежде вкапывали дерево, украшенное разноцветными лоскутками, и вокруг него плясали в зеленых венках, припевая:

Kolo tobo da zielonoho kusta
Posijano soczyweczku z husta.
Kto tuju soczyweczku porwe,
To tuju dziewczeczku za muż wozme.

Как в Литве и России, Великой и Малой, так и в Польше празднуется почти с одинаковыми обрядами Ивановская ночь, или Купала (*Kupalna пос*), в последней под названием *Sobotki*¹⁵⁴, а у волохов и итальянцев – под именем *Sabatina*; зажигаемые на горах сего имени огни в этот день могли им сообщить сие название. «Как у нас накануне Иванова дня женщины зажигали огни, также плясали вокруг их, пели, воздавая поклонение диаволу, – говорит Мартин, писатель

XVII века, – так и доныне в Польше не оставляют сего обычая, принося жертвы из чернобыльника (*bielicy, artemisia*), который вешают по домам и опоясываются им, отправляют Сobotки, зажигая огни, кои добываются трением дерева об дерево»¹⁵⁵. В день Святого Ивана у поляков сельские жители имеют обыкновение опоясываться чернобыльником и целую ночь возле огня прыгать, как говорит Голембовский. «Краковские Сobotки праздновались на Кремионках и зверинце, Варшавские – на берегу Вислы и на острове, ныне называемом Саксонским; в целом краю зажигали Сobotку, на площадях и близ лесов – везде можно было видеть по домам цветы и травы», – говорит о своем путешествии по Польше в 1635 году Огьер в третьем томе «Памятников» Немцевича. Ивановский огонь назывался *Krész*. Ян Кохановский, в изданных им в 1639 году песнях Святосботских, так изображает этот обряд: «Когда солнце согревает рака, а соловей более не поет, Суботка, как было встарь, запалена в Черном лесе. Так нам передали матери, сами также заняв от других, чтоб на день св. Иоанна завсегда горела Суботка». Эта Суботка зажигалась или на лугу, или при лесе.

Бабье лето (*Babie lato*) известно у поляков, которые под сим именем разумеют ясную продолжительную осеннюю погоду. Линде объясняет это *lato swięto – Marcinskie*; может стать, потому осень продолжается до 11 ноября, до *Marcina Biskupa*. Народ празднует этот день, в Вильне во всяком доме жарят для служителей гуся, который называется Мартынским. Канун нового года (*Wilnia nowego roku, kolenda*) сопровождается угощениями, поздравлениями и наблюдением примет, что и доныне продолжается¹⁵⁶. Как у нас на Новый год в Васильев вечер, так и во всей Польше в Андреев день (30 ноября) девушки тайно гадают о будущей судьбе своей литьем воска и олова в воду и катышками хлеба. У поляков и русинов в древности совершался праздник *Koleda*, ко *Lado*, коего обряды с некоторыми переменами доныне повторяются. Во время Коледы в Польше гадали и играли немецкие комедии. В прусской Польше, в Гумбингенском округе, от Рождества Христова по Богоявление девицы с целой деревни соби-

раются в одну какую-нибудь избу забавляться разными играми и плясками до самого пения петуха. Как Юрьев день весенний, так и Михайлов осенний бывают в Литве и Польше пределами сроков и сделок, с них начинаются и оканчиваются ими хозяйственные условия.

В праздник Трех царей (*trzech królów*), о коем мы выше упоминали, в Литве и даже в некоторой части Польши наряжаются в маски и ездят один к другому в гости. Масленица, у поляков *Zapusty*, бывала временем забав и веселостей, кои состояли в маскировании и нарядании в разные образы, плясках и пении, в катанье и пиршествах. В Россиенском повете Виленской губернии привязывают чучело, похожее на человека, к колесу, с коим оно вертится. Что бывает, как увидим, и в некоторых губерниях Великой России. Запустные дни были в великом уважении у старобытных поляков¹⁵⁷.

Как на Рождество Христово, Новый год, на Светлый праздник, в Троицын и Духов дни, так особенно от масличного четвертка до пепельной среды первой недели Великого поста, бывали в Польше по разным домам пляски и пированья, кои оканчивались в четверток полосканьем рта, как у русских простолюдинов – чистым понедельником.

При похоронах у славян польских отправляемы были ристалища с пиршествами, кои известны и в России под именем Тризны, а у западных славян – Стравы: *strawa* значит на польском *кушанье, приготовленное на огне*, отсюда *trawić ogniem* – *сжигать огнем*. Длугош свидетельствует, что подобные ристалища и пиры языческие при похоронах отменены были владетельными князьями. Над прахом усопших насыпались могилы, называемые в России курганами; оные насыпи в Великой Польше, в земле Добретской, в Куявах и в земле Хельминской в Пруссии известны под именем *жалей*, а в Новгородской губернии – под именем *жальников*.

При сравнении свадебных обрядов, именинных и родинных пиров, игр и забав польского народа с русскими, найдется много сходного, общего или заимствованного одним у другого. Не останавливаясь на этих предметах, о коих подробно пишет Голембовский в приведенных нами сочинениях, пойдем далее. О древнем обычае славян, вероятно, языческом, свидетельствует поговорка у поляков *Jak kamén w wodę*, сходная с русской: *как камень в воду*, которая означала вечное забвение гнева и оскорбления. Этот обряд совершался при заключении мира с врагами¹⁵⁸. С водворением католичества в Польше водворились и распространились в ней разные сценические представления и обряды, смежные с римским язычеством, кои допустила к себе римско-католическая церковь. Оно вытеснило многие древние польские обычаи, так что в них осталось мало народности, хотя мазуры и твердят об оной. Беспрерывные сношения России с поляками и владычество их в юго-западной части оной запечатлели следы свои в поверьях, обычаях и языке русского народа. Ближайшее и точнейшее сравнение мифологии и эртологии славян закарпатских и задунайских с верованиями и празднествами славян русских могло бы открыть, что у тех и других сохранилось общего, характеристического и в чем именно они различались по местности, духу своему и образу жизни на западе и юге. Но как не у всех народов славянского племени описаны с точностью и полнотой мифология и эртология и не все существующие источники у нас под руками, то мы и ограничимся здесь некоторыми только известными, более общими чертами, а другие присоединим к частным описаниям праздников народных¹⁵⁹. Так называемая славянская мифология и эртология не могут ограничиться одними русскими, но должны быть исследованы у всех прочих народов славянского племени, живущих около Вислы к западу до Эльбы и Везера, а к югу до Адриатического моря; ибо у них более осталось древних памятников язычества, а мифы и обряды их служат к дополнению и истолкованию первых. Ни у каких народов, замечает Тунманн, не было столько местных богов, сколько у славян, которые издревле слыли набожнейшими¹⁶⁰. Как сами славяне являются в мире политическом под разными именами, так нередко одни и те же божества у них носят различные наименования, от коих размножилось число оных у позднейших мифографов. Гельмолд, Кромер, Длугош, Мартин Бельский и другие, следуя обычаю греков и рим-

лян, сравнивали истинные и мнимые божества славян с римскими и греческими, и наоборот – сии последние объясняли славянскими. В «Словаре латино-чешском» Соломона, IX века, отысканном Ганкою в Пражской библиотеке, находим следующие объяснения мифологических имен: Лето – Siva, Ваал – Bel boh, Диана – Déwana, Дриады – Polndnice, Латона – Letnice, Марс – Zuatovit, Пан – Veless, Пенаты – Screti, Пик, сын Сатурнов, – Ztraces Sytivratow zin, Сатурн – Sytivrat, Сирена – Lichoplesi, Тифоны – Sani, Венера – Lada, Церера – Siva, Юпитер – Реши, Меркурий – Radigost, wnukk Kirtow, Прозерпина – Poritata и т. д.¹⁶¹ Цесарь и Тацит также объясняли именами римскими германские. Хотя мифографы и историки причисляют большую часть приведенных здесь божеств и духов к мифологии славян русских, но оные более принадлежат к задунайским и закарпатским славянам, которые имели свои верования и свою систему мифологии; Рюген и Ретра были столицами богоучения, богослужения и торговли славян¹⁶², из этих рассадников язычества могли растрасстраняться поверья и на юг, и на северо-восток. Как в единоплеменных и соплеменных народах господствует один общий дух, несмотря на случайные уклонения, то и у славян, говоривших наречиями одного слова, могли быть общие коренные и взаимно сходные понятия. Византиец Прокопий говорит об иллирийских славянах, что «они признавали творца молнии за единого Бога». Вероятно, что славяне на Одере, смешавшись с тамошними немцами, утратили чистое познание о единстве Бога, поклонялись ему под видом многообразных и многочисленных предметов и явлений природы. Перун был общим божеством у племен славянских. У люненбургских вендов и день Юпитера-громовержца, четверг (dies Iovis), назывался *peren dan* – *Перунов день*. На виндийском наречии растение *Perunica* значит *iris Germanica*. *Perunova dubrava* и *Serneborg* находятся в Сербии, в Далмации есть лес *Pirun Dabrava*¹⁶³. Тунманн и славянского Прона почитает за одно с Перуном¹⁶⁴. По мнению карпатороссов¹⁶⁵, Перун владычествует над веснянками, осенянками, зимнянками и упырями, славянский Пан Велес, Волос, о сходстве коего со скандинавским Vali-áss выше замечено, был божеством общим, особенно у славян, занимавшихся скотоводством. Ладо воспевалась и доныне воспевается не только у русских, но и у сербов, болгар, словаков, славонцев, хорватов¹⁶⁶. У южных славян вспоминается Ладо в следующей песне:

Лепи Иве терта роже,
Теби Ладо свети боже,
Ладо, слушай нас, Ладо!
Певке Ладо пева моти
Сердце наша вскланямоти,
Ладо, слушай нас, Ладо!¹⁶⁷

У алдербурщев (старогородцев) главным божеством был Проне, у полабов – богиня Сива, у оботритов – Радигаст, коим праздновали в известные дни года с великим торжеством. В Моравии есть гора Radgost, а Provo – гора на Ругене. Покровителем земли Ругенской был Световид (Zwantewitz), которому в Ругене поклонялись под именем Белого и Черного бога (Belbog, Zernebog), по свидетельству П. Штекмана. Ему воздвигнут был великолепный храм, ему балтийские славяне платили десятину¹⁶⁸. Как в Ругенском, так и в Штеттинском храме были вещатели и совершались гадания¹⁶⁹. У западных славян в особенном почитании был Кродо (от краду?), игравший роль Меркурия, которому поклонялись на горах, особливо на Брокене, под видом старца, державшего в одной руке колесо, а в другой – сосуд с цветами и плодами: отсюда предание о чествовании дьявола на этой горе, особливо в первомайскую ночь. В Померании, на острове Волине (Юлине), главным покровительствующим божеством почитался Триглав, получивший название от владычества своего над воздухом, водой и землей, или от трех при-

станей острова: его признают за одно со Световидом. О существовании Триглава напоминают остатки города Trojeglava в Славонии и гора Treglau в Крайне. Голову от кумира Триглава св. Оттон из Штеттина послал в Рим к Папе Гонорию. Что у карпатороссов *русалки*, то у виндийцев и сербов – *вилы*, кои, по их мнению, живут на горах и на прибрежных скалах, изображаются молодыми, в белом платье, с долгими распущенными по плечам и по груди волосами из осоки. У древних чехов *morusi* ту же роль играли, что у римлян *incubi*. Булгары верят, что *варколаки*, или *полтеники*, могут входит в дома и вредить. Мы выше заметили, что поклонение источникам и старым дуплистым деревьям, особливо дубам, было общим не только у славянских, но и у германских племен¹⁷⁰. Наши летописи свидетельствуют, что русские славяне клали требы озерам, рекам и колодезям. Из песен и обычаев на Руси видно, что у воды делались гадания, как, например, в Семик; в одной старой песне, какую поют в Подольской губернии под Межибожьем, замужняя жена, вдова и девица вопрошают криницу (ручей), который делает им ответы, как оракул. В рукописном житии XVI века великого князя Константина Муромского сказано, что русские язычники «от очныя немощи умывались в кладезях и бросали в них сребряники», что и доныне делают на святых колодезях, ключах, родниках, озерах. Подобные обыкновения встречаются у сербов. В упомянутом житии пишется, что «дуплинам деревянным ветви убрисцем обвешивающе и сим покланяющиеся». Хотя

Длугош приписывает фетишизм только пруссам и литве языческой, однако оный, по мнению Бандтке, господствовал в том или другом племени славян. Гроды, гродки, огродки, городища, лысые, красные (чермные, червонные), поклонные горы и рощи, дубравы заповедные, как то: Swaty bor близ Салы в Мерзебуре и Branibor в Брандебурге, были местами священными, где совершались жертвоприношения и другие обряды в честь богов, умиловительные или благодарственные, обетные, обычные или чрезвычайные¹⁷¹.

Время определенное и неопределенное у славян называлось *годом*, *роком*, *летом*: у виндийцев и чехов год (Hod) то же значит, что *prásdnik*, *svétik*. Собственно год делился у одних племен на две половины: лето и зиму; у других – на три или на четыре, и на двенадцать месяцев, кои имели особенные названия, различные по местности; по ним считались праздники весенние, летние, осенние и зимние, распределялись работы, сроки и отдыхи. Как у закарпатских и задунайских, так равно у предкарпатских славян, то есть поляков, русских и малороссиян, одни и те же древние народные праздники нередко выпадают в различные времена года по различию местности и климата, бывают то позже, то раньше других, носят на себе поэтому различные названия, сопровождаясь особенными обрядами. Местные праздники, проистекши от свойств местности, духа и верования жителей, известны только отдельным племенам славянским.

Коледа и Купала, как выше замечено нами, составляли два главных празднества в году, к коим примыкают другие. В Силезии и Богемии Рождественские Святки называются Vopose, Wanose и январь – Voposnik, у румын – Кречун, у карпатороссов канун Рождества Христова известен под именем Керечун-вечер, а в Венгрии – Karatson. В русских летописях и Рождественский пост наименован Корочуном¹⁷² от коротких дней, по мнению Карамзина. В Валахии и Болгарии родившийся 25 декабря обыкновенно называется Крачун¹⁷³. Корочунов камень упоминается в начале Воскресенской летописи. В Шелонской патине упоминается в XVII веке Карачуницкий погост. У карпатороссов Карачун (Хоре?) причисляется к языческим божествам. Русская поговорка *дать Коронуй* то же имеет значение, что *к Ляду*, то есть *погубить*. Чехи под именем Коледы разумеют бывающее у них около праздника Трех царей благословение домов: отсюда Koledowat – *благословлять дома*. У виндийцев Koléda некогда было божеством празднеств или некоторых религиозных обрядов, а теперь только крестьянские мальчишки ходят из дома в дом с песнями и плясками: это называется у них kolédovati¹⁷⁴. Описанное Константином Багрянородным празднество, или игрище, о коем выше сказано, под именем то Готдыков, бывшее на девятый день Рождества Христова, при вечерней трапезе импе-

ратора, принадлежит к славянской эортологии, ибо под именем готфов византийцы разумели иногда народы славянского племени, и оно сходствует с коледованьем и святочными играми. Выше мы привели из Крантца бывшие, при Болеславе Храбром и Генрихе II, в Нижней Саксонии хороводы и песни бесчинные в навечерие Рождества Христова на погосте св. Магна, сходные с описанием в Стоглаве празднования навечерия Рождества Христова и в Никоновской летописи под 1068 годом. Когда за это бесчиние и буйство прокляты были галберштадтские жители священником, «тогда они, – пишет Крантц, – беспрестанно кружась, вертелись (gnrabantur – *жировали?*) день и ночь». Богемский историк Дубравий свидетельствует, что чешский князь Брячислав (Бретислав II), по вступлении своем на престол в 1093 году, немедленно изгнал всех колдунов, предсказателей и оборотней из своих владений, уничтожил все суеверные обряды и злоупотребления, кои еще оставались от времен язычества; наконец, повелел пражскому епископу так распорядиться, чтобы каждый священник в праздник Рождества Христова посещал своих прихожан со святым крестом и святыми мощами, давая знать правительству о тех, которые не станут лобзать сию святыню. Набожный обычай этот, говорит Дубравий, сохранился до наших времен в Богемии, где слывет Коледою. Это сходно с малороссийской Колядкой и колядованьем¹⁷⁵. *Зеленые Святки*, или *Духов день*, у слованцев и чехов называются Turuse от Тура, в честь коего они праздновались, у словаков – Letnuse, а у чехов – Swatodusne Swatki; карпатороссы именуют Купало *Русальем*, которое празднуется более в рощах. Тот же чешский князь Брячислав II велел вырубить все заповедные дубравы, в кои чехи собирались по старому обычаю совершать языческие обряды. *Купало*, или *Иванов день*, под собственным или под другими именами, известен во всем славянском мире. Сербь говорят доселе, что Иван день – столь великий праздник в году, что на оный и солнце три крата от страха останавливается на небе¹⁷⁶. Купальские огни, зажигаемые в Иванову ночь на Карпатах, Судетах и Корконосных, между Силезией и чехами, представляют великолепное и торжественное зрелище на пространстве нескольких сот верст.

У чехов первый день марта называется Letnice, вероятно от Летницы, славянской *Латоны*, или *Леты* (Letho), Ženske Letnički – наш древний пролетний месяц. В марте праздник заморенной зимы и возобновляющейся весны, или изгнания зимы и встречи лета, известный у южных шведов и готфов¹⁷⁷, повторяется в Силезии и Богемии, где Магаиа означает весну. Виндийцы именуют дни Пасхи – Letnizchki Svétki, а Светлое Воскресенье – Létníze, в Богемии поют тогда:

Giž nesm smret ze wsy,
Nové léto do wsi.
Wjtey léto líbezné,
Obiljcko zelene¹⁷⁸.

Семен день и *бабье лето* (Babj léto, Пауџу) известны у чехов и сербов; у первых Рождество Богородицы называется Semenna Rapna Maria, у других Бабины дни значат *снег, идущий в марте месяце*. У Карпатской Руси название *Бабин мороз* основывается на сказании, что Марот, Март, заморозил (окаменил) на Полонине (Альпе) чародейку-бабу. Намек на происхождение каменных баб на Карпатских Альпах. В Юрьев день (праздник св. Георгия) у сербов рано поутру, до солнечного восхода, начинают купаться. Этот день Статутом Марии Терезии (Urbarium, 1791) крестьянину назначен сроком для перехода от одного господина к другому, как бывало на Руси до XVII века, а день св. Михаила – сроком для предварительного с обеих сторон объявления¹⁷⁹. Сербь, илирийцы, далматы и черногорцы в этот день поют молебен на колодцах и, окропив скот святой водой, гонят его вербой в поле, как бывает в России¹⁸⁰. У Карпатской Руси в Берегском, Угочском и Унгварском жупанствах в Венгрии выгоняется

скот в ночь Юрьева дни на самой заре, с коего, по их мнению, прекращается власть ведьм над рогатым скотом. От Юрьева до Дмитриева дней, полгода, срок у болгар, сербов и турков. В Булгарин в дни св. Георгия, св. Параскевы и св. Архангела Михаила приносят сим святым в жертву агнца, коему к рогам прилепив по свечке и окурив его ладаном, режут его над сосудом так, чтобы ни капли крови не попало на землю – кровью этой крестообразно мажут детей на лбу, щеках и бороде, потом, зажав его, с молитвой съедают, а кости зарывают в землю. То же самое делается с некоторыми переменах в Сербии, Боснии, Герцеговине. По собрании хлеба у славян языческих было главное торжество. В Арконе первосвященник, выметя накануне праздника святилище храма, в самый день торжества, взяв из руки у Святovidова кумира рог, смотрел – полон ли он вином, и по этому предсказывал будущий урожай хлеба и т. д. Другие славяне праздновали собрание хлеба обречением петуха в дар богам и обливанием скота пивом, освященным для предохранения стад от болезней. В Богемии славился Майский праздник источников. В Вагрии дни народного суда были порой общего веселия, тогда старейшины, под сенью священных дубов, в присутствии бога Прове, решали судьбу сограждан¹⁸¹.

У западных славян погребальные обряды весьма сходны с римскими, в коих проявлялось глубокое благоговение к усопшим и вместе – нравственное чувство, как источники оных. Сербская *Zadusnice* соответствует нашей *Родительской* и *Радуннице*, у виндийцев поминки называются *Zadusni Obed*. Слово *Strawa* встречается во многих славянских наречиях – на чешском *Strawa* значит *пища, трата, напутствие*. У карпатороссов во всех русских графствах Венгрии *стравой* называется кушанье на заупокойном пиру или поминках (*парастас* от *Παρασάσις*). *Strawa*, по словам Иорнанда, состояла в великолепном надгробном пиршестве, на коем плач и сетование смешивались с веселием. Карл Аквинский производит *Strawa*, или *Sdrawa*, от иллирийского слова *sdrav*, отсюда *sdravuz*, то же, что *здравие*¹⁸². Что же касается до *Тризны*, то слово *сие* происходит, как и выше замечено, от *терзания*, какое бывало у евреев и греков¹⁸³, или от глагола *ρίζω* – *шумлю, крушусь*, близкого с чешским *Tryzen* – *труд, жалость*. Она состояла у северных славян в плаче над гробом, в насыпании земли над могилой и в питье меда. Менкен изображает *Тризну* немцев сходной с *Тризной* славян: «...по совершении погребения в лесах и полях они, по языческому обычаю, делали сценические представления на распутиях и перекрестках для упокоения душ усопших, надев на себя разные личины, играли и потешались». О *тризне* в XVII веке упоминается в Стоглаве, из коего выше приведено нами свидетельство. Итак, по действию *Тризну* можно производить от *терзания*, по времени – от трехдневного празднования. А по месту самому сходствует она с *trivium*, *распутием*, на коем и у римлян совершались религиозные обряды¹⁸⁴. Как некоторые племена славянские сжигали своих усопших по обычаю индейцев, римлян и скандинавов, то, вероятно, у них слова *Тризна*, *Тризнице* ведут свое начало от *Знича*, представителя огня, обоготворенной у них стихии, всеочищающей и царствующей над стихиями; посему слова *три-Знича* составляют и *Тризну*, и *Тризнице*. Священный же огонь, например, купальский, как, вероятно, и *тризничный*, добывался трением дерева об дерево. Такое созвучие в ветвях корня *Тризна*, выражающего сходные идеи, роднит народы, у коих существовали это слово и этот обряд в разных видах: то сжигания усопших, то в борьбах на могилах, то в попойках, то в сценических представлениях и играх в память усопших. *Тризнице* и *Тризна* по знаменованию своему тождественны с *игрищем*, с греческими *Ἀγώνες*, с римскими *certamina*, по изменению Лексикона Памвы Беринды, «борбище, место, где бывают поединки, войование». Такой же смысл имеет слово *сие* в славянской Библии¹⁸⁵. У сербов существует *отмища*, или *похищение девиц*; о подобном обычае на Руси Нестор говорит следующее: *радимичи, вятичи и северяне «схожахуся на игрищи, и ту умыкаху жены собе, с нею же кто свещаваше»*¹⁸⁶.

В песне чешской *Забой*, *Славой* и *Людв* упоминается об укладах (вкладах) на города, кои составляли духовный сбор или дань, божничье, собиравшееся и в Новгороде князьями,

подобно восточной десятина у славен в Щетине (Штеттине) на Одре, добычам храмов в Арконе у рановцев, в Радогоще у сербов; там поют, по свидетельству Ходаковского:

И дашь покорм боговом,
И тамо боговом спасаю,
Дашь множество обети:
Дай им глашать милых слов
И им оружие побитых врагов.

Наши хороводы, называемые по-славянски *колами*, то есть *кругами*, в употреблении у мор лаков и далматов¹⁸⁷: такие точно пляски изображены резьбой на гробницах в Захлумской земле (в Герцеговине). В Богемии, между прочими играми встречается совершенно сходная с нашими жмурками *z'murka*, *zmurki*, или *slepa Baba*, отсюда и выражение: *Na slepu Babu (na z'murki) sa hrat*, *играть в жмурки, прятаться в игре*. Из сравнения старинных песен закарпатских и задунайских славян с русскими можно вывести общие им коренные идеи под разнообразным покровом. В свадебных обрядах и житейских праздниках у закарпатских и задунайских славян проявляются следы язычества, во многом сходные с русскими, кроме различий, происшедших от местности, духа их и влияния соседственных разноплеменных с ними народов. С их верованиями и нравами соединено было гостеприимство, как отличительная черта, проведенная в их характере патриархальными временами. У некоторых славянских племен, как то у мор лаков, дружба между особами того и другого пола освящается верой и обычаем под именем побратимов и посестрим. Кровавое право мести у мор лаков произвело пословицу: *ко се не освяти, от се не посвятити*, то есть *кто за себя не отмстит, тот не посвятится*¹⁸⁸.

Издревле славяне, живя среди германских племен и тогда превышая их своей многочисленностью, менялись с ними поверьями и понятиями. Несмотря на политические отношения тех и других, первые действовали на последних большинством голосов. Нередко случалось, что мифы славянские, подобно словам, обнемечивались, так что божества и суеверия, слышущие у западных писателей немецкими, есть собственно славянские. Аделунг в «Истории немецкого языка» говорит, что славяне в Мейсене и вообще в Саксонии смешались и претворились в немцев, сообщив языку сих последних некоторые свойства и слова своего языка. Так, вероятно, финские племена претворились в русские или норманнские. Как на юге и западе у славян более, чем на севере и востоке развилась гражданственность, прозябла жизнь народная, а с нею верования и предания, то там полнее образовалось богоучение, многочисленнее и торжественнее совершаемы были священные обряды, праздники религиозные и житейские и игрища; зодчество, ваение и живопись содействовали распространению идей славянского язычества, коего памятники, найденные в Ретре, Шверине, Ней-Стерлице, Штеттине, Волине, Ругене¹⁸⁹, Мекленбурге, доселе сохраняются. Народные верования, находясь в тесной связи с жизнью гражданской и домашней, проникли быт и бытие народа, так что христианское учение долго не могло истребить первые. Поморяне в XII веке изъявляли желание поклоняться старым божкам своим и Иисусу Христу; чехи (894=967), приняв веру христианскую, покушались обратиться к язычеству¹⁹⁰. На севере у русских славян скуднее была природа и жизнь народная, скуднее мифология и эортология, чем на юге, так что неизвестны были храмы и капища, заменяемые сенью дубрав заповедных и теменем гор поклонных. Немногие отечественные боги перенесены с пепелищ переселенцами на новые места, где они могли смешаться с туземными старожилыми или от них заимствовать цвета свои¹⁹¹. Три стихийных имени Руси от огня, земли и воды: красной, черной и белой, по-видимому, соответствуют Перуну, Чернобогу и Бел-богу. Древние руссы, замечает Эверс, в географическом и этнографическом отношениях обыкновенно называли первобытное белым, а изменившееся, производное – черным, первым также свободное,

другим – рабское. В этой трехцветной Руси донныне остались более или менее заметные следы славянского язычества в обрядах и обычаях, в праздниках и суевериях, в простонародных песнях и пословицах¹⁹²; самые названия урочищ, рек и лесов, трав и цветов и тел небесных напоминают о древних мифах и символах. Идея о красном, русом, черном есть господствующая в славяно-русском мире, где многие предметы, чувственные и отвлеченные, отличены сим цветом народным. Червенная, или Красная, Русь, или как жители оной называют, твердая Русь, содержит в себе русаков от Вислы на восток до Синего (Черного) моря; красивая по своему местоположению, она была одним из главных рассадников славянорусского богоучения и богослужения, откуда они распространились на запад и на восток России, которая владела еще в X веке Червенскими городами, когда великий князь Владимир собрал седмерицу богов в Киеве, состоявшем под одним владением с Галичем. Хотя она переходила из рук в руки от русских к венграм и от них к полякам, а от сих последних – к немцам, однако доселе сохранила свою самобытность в языке, обычаях и поверьях. В Галиции почти те же мифы, что и в Малороссии. Вероятно, и Перун, символ огня, происходящий от чешского слова Ригепи, *краснота, багр, цвет огня*, перенесен вместе с Ладью и русалками¹⁹³ из Червенной Руси на Днепр и Волхов, так равно оттуда перешло на северо-восток России поверье и название красных, червонных и лысых горок; в Богемии известны в городке Берунске Krasna йога, в Венгрии – местечко и город Krasna horka (Schönberg).

Под именем *жалей* находятся в Галиции, Лодомирии и Венгрии *жальники*, кои почитаются за языческие кладбища. В Номоканоне, изданном во Львове в 1646 году, в томе четвертом приводятся в первый раз Купало и русалки. Мифы о волколаках и оборотнях во всем сходны с преданиями жителей Литвы и Волыни.

Черная Русь, между Припятью, Пиною и Сыр-тью, состоя из воеводства Новогрудского и поветов Минского воеводства Мозырского и Речицкого, по смежности своей с Червонной, представляет многие мифы, обычаи и поверья, сходные с Краснорусскими и Волынскими. В божествах язычества заключаются идеи внешней и внутренней жизни жителей той и другой стороны, их местности и климата, обильного черными лесами и топкими болотами. Там Купало, или Купайло, и Коледа (Риздво) воспеваются в песнях, сопровождаясь: первое – раскладыванием в поле огня и плясками ночными, а другая – песнями и гаданиями. Ко лядники там именуются *Лалымниками*. В Новый год (Новый рок), как в Малороссии, дети ходят по домам поздравлять господ и обсыпают их зернами пшеницы и жита, особливо горохом. Игрище называется *стадом*, как в Литве и Польше; *Купало*, игра, известна на Украине, Подолье и Волыни: там в Иванов день, по захождении солнца, собираются девицы в одно место с вербой, убранный цветами, которую втыкают в землю. Около этого дерева, слывающего у них *Купайло*, оне ходят, схватясь руку за руку, и поют жалобные песни в честь Купайла. После некоторого времени холостые, стоящие в стороне, бросаются, уносят и разрывают вербу, защищаемую девицами, и тем оканчивается этот обряд. В Подольской губернии, около Межибожья, поляне на играх в день Пасхи поют о царевне Ладе, а под Брестом-Литовским – о королевне Ладе¹⁹⁴. В Минской губернии, в округе местечка Юрьевичи, девицы пляшут на игрищах всю Светлую неделю танцы Метелицу и Завейницу. В Юрьев день, или так называемую обедную, в Минской губернии святят хлеб, там же Борисо-Глебский праздник известен под именем Паликопа, сжигающего хлеб в поле у тех, кто работает в этот день, соответствующий малороссийскому Палее, или св. Пантелеймону. Проводами у них называется вся неделя после Светлого Воскресения, которую они проводят в пьянстве, подобно Запуста¹⁹⁵. В Черной Руси, на Волыни и Подолье празднуется день основания церквей (праздники) угощением посетителей из соседних деревень и разными весельями. Каждая церковь однажды в год для своего праздника варит мед с пряными кореньями, продаваемый от нее поселянам.

В Черной и Белой Руси совершаются меньшие и большие *Осенины*, или *Деды*, к коим присоединить должно *Прикладыны*, или вкладывание могилки дерном, которое сопровождается служением панихид, попойкой, гуляньем и музыкой. Из земледельческих праздников также известны, как и в Литве, *Дожинки*, кои отправляются во всякой деревне по окончании жатвы жита и пшеницы, а после посева, *Досевки*, при этом случае господин угощает крестьян своих, которые проводят целую ночь в пении и пляске. В свадебных, родильных, именинных и похоронных обрядах видны еще следы язычества и коренного суеверия, кои сроднились с их бытом.

Белая Русь, состоявшая из воеводств Минского, Полоцкого, Мстиславского, Витебского и Смоленского, представляет множество поверий и обычаев, похожих на литовские и польские, коих она была проводником в Великую Россию. Там многие урочища напоминают своими именами славянорусские божества¹⁹⁶ и обряды язычества, какие проявляются в народных праздниках, поверьях, песнях, пословицах и сказаниях, в коих выразился неизгладимыми чертами древний быт народный с его коренными идеями. Как верование и язык служат единственной связью между единоплеменными народами, так равно и сходные проявления того и другого в праздниках религиозных и житейских служат доказательствами единства их происхождения.

В Белоруссии встречаются многие одинаковые с малороссийскими и великороссийскими праздники и обычаи народные, кроме особенных, на коих отпечатались местность, климат и дух туземцев¹⁹⁷. Хотя народ белорусский имеет глубокое уважение к святой вере, однако в нем господствуют мнения мифологические: он верит русалкам, хлевинкам, или домовым, волколакам, или оборотням¹⁹⁸, присутствию злых духов на мельницах, в банях и пустых жилищах. Купало, известное во всей Южной России до самых гор Карпатских и реки Сана, повторяется также в Белоруссии и на западе к Райгороду на пределах Пруссии¹⁹⁹.

Годовые церковные праздники в Белой Руси как то: Рождество Христа и Богоматери, Пасха, или Велик день, Троицын день, Успение Богоматери, св. Иоанна Предтечи (24 июня), Бориса и Глеба и пр., сопровождаются такими ж почти обрядами и играми у простолюдинов, какие найдем в Великой и Малой России. Праздник Сретения Господня в Белоруссии называется Громницей, Успение Богоматери – большой Пречистой, Рождество Богородицы – малой Пречистой, или первое – Госпожой, второе – Госпожкой, св. Борис и Глеб – Паликопом. День, предшествующий Рождеству Христову, слывет Коледой, которая есть Васильева, или богатая, накануне Нового года, и крещенская, или постная, накануне Богоявления.

У простого народа праздник Рождества Христова почитается первым из годовых, с него он ведет начало года в разных условиях. О Святой неделе поют так называемые великоденные песни с музыкой, ходя по домам ночью под окнами ватагами, кои именуются *волочесниками*, а предводитель их, или запевало, – *починальником*. Они первую песнь обращают к хозяину и хозяйке, прославляя благоразумное их домостроительство, обилие и благодать Божию, упоминают, что св. Юрий запасает их коров, св. Николай – коней, св. Илия зажинает жниво, Пречистая Мать засеивает, а Покров собирает и т. д. После всякой строфы припевают: *Христос воскрес!* В Белоруссии, так как и в Болгарии, зарывают в землю на полях кости ягненка, освященного на Пасху, в той вере, что они предохраняют засеянный хлеб от града. После проводной недели, во вторник, на кладбище совершается Радуница, сопровождаемая причитаньем, пиршеством и катаньем яиц на могилках, на кои иногда делаются возлияния вином и водкой из рюмок. Юрьев день весенний в Белоруссии есть праздник пастухов, которые выгоняют скот вербой на Юрьеву росу; а Николин день – весенний праздник конюхов, которые тогда вечером едут на ночлег с лошадьми и целую ночь гуляют. Последним весенним праздником почитается Троицын день, в который жители украшают свои дома Маем, а пастушки – венками рога у коров. На этой неделе, слывущей там *Разгарою*, завивают венки с песней:

Русалочки, земляночки,

На дуб лезли, кору грызли,
Завалилися, забилися.
Троица.

Развив венки, бросают их в воду, для гадания о судьбе своей с песней:

На Троицу мы венки завили,
На разгары развили,
Горел очку попили
И яишню поели.

Из летних праздников примечательнейший – Рождество св. Иоанна Крестителя; тогда носят в церковь травы и цветы для освящения. Неделя, предшествующая сему празднику, называется *Русальной*; в Купальскую ночь в некоторых местах собираются в поле при зажженных кострах петь купальные песни, как и в других областях России, те же там поверья о русалках и о кладах. Между Ивановым и Петровым днем на Белой Руси разыгрываются навозные толоки.

Из осенних праздников главное всех *Спас*, с коего начинается торжественно посев, хотя белорусы считают осень обыкновенно с Ильина дня, по их пословице, *на Илью до обеда – лето, а после обеда – осень*. Важнейшим и в каждое время года обыкновенным увеселением простого народа суть игрища, на кои он собирается по шинкам в праздники. Как в Черной, так и в Белой России по случаю приходских праздников отправляются *Кермаши*, соединенные с угощением и весельями. Когда же почетные прихожане хотят почтить складчиной праздник какого-либо святого, это называется *братчиной*, коих, собственно, две:

Михайловская и Никольская. Братчики на свои издержки готовят большую свечу к празднику, поют молебен и делают угощение. Братчины, часто упоминаемые в монастырских грамотах до XVII века²⁰⁰, бывали городские и сельские: нередко совершались на погостах, как видно из Двинской грамоты царя Иоанна Васильевича. Они отправляются более осенью, как свадьбы, большие и меньшие *Осенины*, или поминки, *Окладыны*. Ежели к упомянутым здесь праздникам белорусским прибавить освящение полей, хлебов и гумен, веселья во время Толок, Обжинок, Запашек, У возок и прочее, то число общественных и домашних праздников в Белоруссии покажется слишком значительно²⁰¹. Хотя юго-западная половина Руси в XIV веке присоединена была к Польше вместе с Литвой, однако она удержала в недрах своих много коренного, самобытного, от коего отличается чужеземная примесь, как насыпь – от материка. Сколько там ни изглаживалась народность татарами, Литвой и Польшей, однако она всегда пробивалась из самых развалин и снова прозябала на почве родной, как сродное ей растение. Малороссия, где с началом общежития возникли многие поверья, обряды и обычаи, воспитала первые стихии нашего отечества, пробудила жизнь гражданскую и на нашем севере. Когда ж, в XVII веке, снова присоединилась она к Великой России, тогда нравственное общение сделалось ближе и живее²⁰². Благорастворенный воздух, чистое небо, приволье цветущих полей и лугов, веселые леса кленовые, тополевые и дубовые с плодовитыми деревьями, приятнее возбуждали фантазию народа, по природе беспечного и гуливого, родили многие мифы вдохнули песни, в коих разыгрывается душа малороссиянина. Остатки украинской мифологии сохранились в мифических и обрядовых песнях (думах), к коим можно причислить и «Слово о полку Игореве», в сказках и поговорках, праздниках и обычаях. В первых упоминаются древние языческие божества, как то: Бел-бог, Чернобог, Стрибог²⁰³, Сыльный-бог, Коляда, Купало, Дажь-бог, Лад, Тур, Лело, Полело, Марана, Див²⁰⁴, Злота-баба и пр. Оне переносят нас на какое-нибудь древнее городище или на берега Дуная, с венком в руках, или к священному огню

купальскому, или в таинственный мрак лесов дремучих и т. д.²⁰⁵ В мифических сказках главные действующие лица — бисы, водяные, лешие, мавки, русалки, ведьмы, ведьмаки, великаны, змеи и т. д. На Украине также между злыми духами есть *Рарашек*, который находится у словаков и чехов, о нем есть и поговорка: *сердит, как Рарашек*. Вообще, можно сказать, что в Малороссии более сохранилось мифов, чем в Польше. Из малороссийских народных праздников и суеверных обрядов одни сходны с великороссийскими по названию, а другие — по содержанию своему; некоторые из них местные, более похожие на западные, иные соединены с различными поверьями и увеселениями и известны под особенными именами.

Празднование Коледы и Купалы в Малороссии сопровождается обрядами, во многих отличными от великороссийских. В самый праздник Рождества Христова, до обедни, дети ходят по домам *виришовать*, то есть говорить поздравительные стихи, обыкновенно сочиняемые дьячками²⁰⁶, носят *звезды* — род фонарей и *вертепы* — род марионеток. В богатый вечер, накануне Нового года, холостые мужчины ходят по дворам зажиточных под окна *щедровать*, то есть выпрашивать пироги, кишки, куски сала свиного и т. д. В Новый год, перед обедней, мальчики ходят по дворам с разными семенами в рукавице или мешочке, кои они рассыпают в хатах, приговаривая: *На счастье, на здоровье, на твое лито, роди, Боже, жито, пшеницу и всяку пашницу!*²⁰⁷

Они также поют посыпальную песню:

Ходит Илья
На Василья,
Носит пугу
Житяную,
Де замахне —
Жито росте,
Роди, Боже!
Жито, пшеницу,
Всяку пашницу;
В поле ядро,
А в доме добро!

Такое колядованье продолжается от Рождества Христова до щедрования. Маркевич в записках своих о Малороссии ссылается на старинную песнь украинскую, в коей за каждым стихом повторялось: *Славен еси, Коледо, наш милый боже!* Песня сия, о коей упоминает сочинитель «Синописа», была известна на Украине еще за тридцать лет и доныне. В Махновском уезде (повете) Киевской и даже Полтавской губерний, как и в Белоруссии, нарядив вола, коня, козла и барана, вводят на Новый год в горницу к помещику и говорят ему приветствие, на которое он отвечает угощением.

О Купале упоминает первый Гизель в своем «Синописе», изданном в Киеве в 1679 году. В Иллирийском словаре Иос. Вольтиджи Купало объясняется купелью. Гизель так описывает сие игрище: «Пятый идол Купало, его же бога плодов земных быти мняху, и ему прелестию бесовскою омраченнии благодарения и жертвы в начале жнив приношаху. Тогожде Купала бога, или истиннее беса, и доселе по неким странам российским еще память держится; наипаче же в навечерии Рождества св. Иоанна Крестителя, собравшися в вечеру юноши, мужеска, девическа и женска полу, соплетают себе венцы от зелия некоего и возлагают на главу и опоясуются ими. Еще же на том бесовском игрищи кладут и огонь, и окрест его емшися за руце, нечестиво ходят и скачут, и песни поют, сквернаго Купала часто повторяюще и чрез огонь прескачущие, самых себе тому же бесу Купале в жертву приносят». Подобным образом описывается

Купало у св. Димитрия Ростовского в Четье Минее. В Махновском повете, сходно с чернорусцами и белорусцами, девушки вечером закапывают в землю дерево, украшенное венками, под именем Купалы и зажигают огни с пением. Близ города Белицы на Днепре, в Гомле, тогда поют:

У пана Ивана посередь двора
Стояла верба,
На вербе горели свечи.
С той вербы капля упала,
Озеро стало:
В озере сам бог купался
С детками, судетками.

В Малороссии, накануне сего праздника, молодые люди обоего пола купаются в реках до захождения солнца, в сумерки, потом раскладывают огонь на выгонах, на полянах, в садах, и попарно, держась рука об руку, перепрыгивают через огонь. Если во время перепрыгивания руки не разойдутся, это означает, что эта пара совокупится браком. Подобно как на Карпатах и Судетах молодежь, препоясавшись цветными перевязями и надев на головы венки из цветов и трав благовонных, составляют вокруг огня хороводы с песнями в честь Купалы²⁰⁸. Веснянка в Малороссии есть остаток Мараны, забытый в Польше и неизвестный в Великой России, где, впрочем, во многих местах кличут, или закликают, весну. В Слободско-Украинской губернии девки пляшут с песнями в Семик и Купалу вокруг Марены-чучела из черноклена, одетого в женское платье. На Украине дети, нося в руках ласточку, сделанную из дерева, ходят из дому в дом славить весну²⁰⁹. Песни же называются *веснянками*, их поют девушки, собираясь по вечерам, с того времени, как запоем овсянка, до Троицы. В Черниговской губернии веснянки начинаются с Благовещенья.

Что в Великой и Белой России известно под именем Радуницы, то в Малороссии называется *Гробками*, кои продолжаются три дня – от понедельника до среды Фоминой недели. Тогда приносят на могилки родительские всякого рода кушанье (страву) и яйца, кои там катают до Юрьева дня. Поминки, или проводы, сопровождаются попойками при церквях и песнями. В Махновском уезде этот праздник известен под именем бабского. Троицкая неделя во всей Малороссии именуется *зеленой, клепальной от клечанья*, или *мая*²¹⁰, то есть зеленых ветвей, *Зелеными святками*, а в древности *Русальною*²¹¹. Около Стародуба эта седмица слывет *Греною*, песни – *гренахами* или *гренишками*. В Малороссии Духовым днем называется воскресенье, что у нас Троица, а Троицыным днем – следующий за нею понедельник, в который у нас празднуется Духов день. В Черниговской губернии в Новгороде-Северском есть уважаемый народом родник Заручейская криница, или Сухомлинская, иначе родник Ярославов, впадающий в Десну; на срубе этой криницы, на рассвете в Зеленую неделю, по народному поверью, сидят *криницы*, прекрасные девицы с русыми волосами, кои они расчесывают. Сии криницы суть русалки, кои по названию своему от криницы, или ручья, и от русла, ложа речного, представляют одинаковые понятия²¹², подтверждая свидетельства, выше приведенные нами из славянской рукописи XI века, что «реки нарицались богини и звери, живущие в них, почитаемы были богами, коим приносились требы». Огни, видимые на многих древних курганах по северным берегам Черного моря, по мнению суеверных поселян, разводятся днепровскими русалками, чтобы приветным светом заманить странников к крутизнам и низвергнуть их в пучины днепровские²¹³. В одной старой песне русалка загадывает загадку: «Ой, ще росте без кореня?» – и сама разгадывает, подобно Линнею: «Камень росте без кореня». Вообще украинцы думают, будто в русалок, или мавок, превращаются дети, умершие без крещения, и будто злые духи похищают души сих младенцев, давая им свободу являться только в день сошествия Святого

Духа и в Троицын. Таких младенцев хоронят в Киевской губернии в Махновском повете под фигурой (крестом) на раздорожий (перекрестке). По народному мнению, души их через семь лет уносятся на воздух и просят себе крещения три раза. Если кто услышит этот зов и подаст им святое крещение, говоря: «Я тебя крещая, Иван и Марья, во имя Отца и Сына и Святого Духа», – тогда сии души возьмутся ангелами; а в противном случае – дьяволами. По сказаниям суеверных поселян в глубокую полночь мавки о Троицыне дне бегают по берегам рек и озер, поют, хохочут, хлопают в ладоши и мяукают наподобие кошек, от чего они и получили свое название. В Клепальную субботу накануне Духова дня, бегая по ржи, они бьют в ладоши и кричат: *Бух, бух! соломенный дух! мене мати народила, некрещену положила*. В горобинные (воробьиные) ночи бывают свадьбы и танцы русалок²¹⁴; тогда поселяне не купаются в реках и не ходят поодиночке в поле и лес, чтобы мавки не защекотали (залоскотали) или не закачали. Мужчины и женщины накануне этих дней запасаются зорей и полынью, как предохранительными средствами против нападения русалок²¹⁵. В Малороссии в Троицын день приносят в церковь охапку зори, калуфера, мяты и кадила (*chamaeripitys*), которая связывается веревкой, а в середине ставится тройная свеча, называемая *Троицею* и горящая в продолжение обедни: травы сии хранятся дома для лечения от разных болезней, а тройная свеча дается в руки умирающему при последнем издыхании.

В Малороссии Духов и Троицын дни точно праздники духов, впрочем, там также завивают и развивают венки в Троицкую неделю, на коей поют:

Ой, завью венки, да на все святки!
Ой, на все святки, на все празднички,
Да рано, рано на все празднички!

Мы уже сказали выше о сборище ведьм на Иванов день в Киеве на Лысой горе для совещания, в сию-то ночь они собирают ведемские травы, снимают с неба звезды и держат их в кувшинах на погребках, в Малороссии также верят, что кому посчастливится сорвать цвет папоротня (папоротника, кочедыжника) в Иванову ночь, тот найдет клад.

Как в Белоруссии, Гродненской и Виленской губерниях, Белостокской области день св. Бориса и Глеба почитается праздником Паликопы, так на Волыни *Pantaleona Meczénika*, а в Малороссии день Палея, то есть св. Пантелеймона: этот день проводится в праздности из опасения, чтобы за нарушение оной не спалились молнией копны хлеба и стогн сена.

В Малороссии известно и Бабыно лито, которое в Богемии, по свидетельству Юнгманова словаря, называется также *Rawúšj léto*, *паутинное лето*, о коего и поговорка: *Babj léto ljta*, *бабье лето летает*. В Киеве *женить Семена* значит у ремесленников: *начинать работать при свечах вечером с Семена дня*.

В Малороссии празднуется как весенний, так и осенний Юрьев день (26 ноября); ибо и праздник церковный в честь освящения храма Георгия на златых вратах установлен в Киеве в подражание греческому. Там употребителен был законный обычай перехода крестьян от помещика к помещику и поговорка: *От тыбе, бабо, и Юрьев день*²¹⁶.

Там бывают также земледельческие празднества: *Дожинки*, последний день жатвы, *Оборки*, последний день оранья, *Досевки*, последний день сеяния, и *Толоки* с играми и забобонами. *Масленица*, у сербов *белая неделя*²¹⁷, в Малороссии не в таком уважении, как в Великой России: там не катаются на горах, а только едят блинцы и вареники и пьют горелку.

В Киевской губернии, как в Белой и Черной Руси, праздником преимущественно называется тот день, в который заложена церковь: он отправляется прихожанами с большим торжеством, летом при церкви, а зимою в домах церковнослужителей. На этом празднике, слывшем и там каноном, а в Черниговской губернии – *братчиною*, пьют мед вареный. *Вечерницами* и

Досветками в Малороссии называются сходбища в одну хату в осенние и зимние вечера: там работают, поют, играют, жартуют (шутят) и женихаются.

Ограничиваясь в этом сочинении только простонародными праздниками в Великой России, заметим, что одни из них общие, о коих выше упомянули, другие – местные, проистекшие из духа верования, нравов и местности туземцев, которые, вероятно, чествовали свои отечественные божества, каковы в одних странах были Ярило, в других – Волос и т. д. Общие праздники, по местам известные под различными названиями, являясь там в особенных формах, нередко соединяются с особенными обрядами, или, смотря по климату страны, отправляются ранее или позднее.

Что разумеют под именем *Коледы* в Чермной, Черной, Белой и Малой России, так равно и у других славянских племен, то в Великой России называют обыкновенно *Святками*, *Святыми вечерами*, а в Новгородской губернии *Кудесами*, *Окручаньем*, в Псковской – *Субботками*. Однако Коледа вспоминается на Поволжье, в Костромской и Ярославской губерниях поют: *Шла Коледа из Нова-города* и пр.; что свидетельствует о переселении обычаев из вольного города при Иоаннах III и IV. В Муромском уезде и в некоторых местах Рязанской губернии с Коледой воспевается *Таусень* или *Авсень*. Там же, в Чухломе, о Святках ребятишки следующей песней напоминают западный праздник Трех королей:

Двоим, троим,
Давно стоим:
Пожалуйте копытце:
Вам спасенье, нам прибыльное.
Пожалуйте Королю,

и т. д.

В Тульской губернии по селам 1 января бывает засев: подобно малороссиянам, крестьянские дети ходят по избам сеять из рукавицы зерна хлеба ярового, кои собираются старухами и берегутся до посева осеннего. *Соботка*, знакомая полякам, силезцам и чехам, известна также и поселянам по реке Луге, текущей из болот Новгородской губернии в Санкт-Петербургскую²¹⁸. По Волхову знают сие игрище под названием *Коккуя*. В старой Ладоге при реке, впадающей в Волхов, на горе Победище, по свидетельству Ходаковского, это купальское ликование ежегодно совершается в Иванов день при огне, который добывают посредством трения дерева об дерево, называя его в той стороне живым огнем, Царь-огнем и Коккуем. В Переславле-Залесском ярмарка, бывающая в день Агриппины, по просторечию Купальницы, слывет в народе Купальницею. Иван Купало, празднуемый от Днепра до Немня, между чернью называется Ярилою в Ярославской, Тверской и Рязанской губерниях. В Костромской губернии недели с Богоявления дня до Масляницы у крестьян называются свадебными, потому что они всегда около этого времени играют свадьбы. От этого же, вероятно, и февраль в летописях означен *Свадьбами*²¹⁹.

Красная горка, столь известная в Великой России, и по празднеству оной в определенное время и по многим урочищам, означает место и время: в Смоленской губернии именуется *Толтищем* и напоминает древнее славянское *Стадо*. В одних краях *Горкой* называется гулянье на Святой неделе, в других – в Юрьев день, но везде Красная горка почитается временем свадеб и сопровождается бывает кликаньем весны, как первый весенний праздник, с коего, по большей части, начинают играть в горелки, а когда станут распускаться листья на деревьях – играть хороводами. Семик, или семицкий четверг, праздник погребения убогих и завивания венков, в Вологде называется *Поляной* от местоположения, где была, по преданию, могила двух чудесных

витязей-белоризцев²²⁰. Позорищем Семика бывает кладбище и роща. Всесвятское заговенье известно в Костроме и Твери под именем Ярилы, в Нерехте – Конюковки, а в Ярославле – Солонины. Бабье лето в одних местах начинают с 1 сентября, или Семена дня, в других – с 8 сентября, или с Рождества Богородицы; оно слывет в Саратовской и Пензенской губерниях *Пасиковым днем* от уборки ульев, в Ярославской и Вологодской губерниях – *Луковым днем* от снятия с гряд лука и чеснока, в Рязанской – *Аспосовым* и *Спосовым*, вероятно, от Спаса или от другого неизвестного доселе слова. В селениях Тульской губернии под Велик день жители заклинают мороз, губителя овса, льна и конопели. Поселянин берет ложку киселя и, просунув голову в волоковое окно, говорит:

Мороз, мороз!
Приходи кисель есть.
Мороз, мороз!
Не бей наш овес,
Лен, да конопели
В землю вколоши!

Окончив такие слова, он оборачивается в избу, где окатывает его водой старшая из женщин.

В галицких местах и в Тверской губернии в последнее воскресенье, называемое там *прощальным*, а в Сибири – *целовником*, молодежь проводит время в катаньи по улице, оделяет пряниками окликальщиков, которые носят в руках ветви елового дерева. Это окликанье и ветвь означают богатую и роскошную жизнь; ель ставят также на дворе у хозяев, которые еще более угощают окликальщиков, возглашающих: *О, Леле! О, Леле!* Прощальным, или Целовником, воскресенье это наименовано потому, что перед наступлением Великого поста целуются со всеми в знак христианского примирения и ходят на кладбище прощаться с усопшими родственниками. Там же в Фомину неделю, именуемую *Радонищами*, гуляет народ после полуночи и до света, распевая под окнами: *Юница, молодища, подай яйцо в перепечу!* Тогда подают парням вино, пиво, ладышки, казанки, а девушкам – пряники и красные яйца. Этот Юнец, или Вьюнец, упоминается в 25 вопросе Стоглава: «...и на Радонице Вьюнец, и всяко в них бесование».

Из местных праздников в России известен в Вятской губернии под названием *Свистопляски*, который совершается ежегодно в четвертую субботу после Пасхи, на том месте, где в 1480 году вятчане под предводительством Михаила Рожухина, сражаясь ночью с союзниками своими, устюжанами, по неведению, побили их девять тысяч²²¹. После панихиды в часовне, в день Свистопляски, продаются разные закуски и делаемые нарочно для сего праздника глиняные куклы, свистки и шарики, коими бросают друг в друга, становясь по обе стороны рва, и свистят. Литовская *Swistoplaska* описана в Виленском Деннике. В верстах семи от Вологды, по Архангельской дороге, есть в лесу на поляне могила воина Аники, на которую прохожие кидают сломленные ветки дерев. От этого там накапливается большой ворох, который сжигается в один летний день собравшимся народом. На этом сходбище едят блины и гуляют. Перед Троицыным днем в Лихвинском уезде Калужской губернии бывает народный праздник Маргостье, во время коего одна кума к другой ездит на метле и угощаются пирогами. В Орловской и Тульской губерниях в это ж время бывает известное и в других местах крещение кукушек, которое состоит в том, что в роще избранные кум и кума, надев крестик на птичку кукушку или на травку того ж имени, кладут их на разосланный платок, садятся вокруг него, меняются крестами своими, целуются и с прочими подругами едят яичницу и поют песни. В Чистопольском уезде, в Савине городке, в Троицкую субботу служат молебны на ржаном и яровом полях, а потом вплоть до ночи поют и пляшут в честь Ярилы. В Муроме в первое воскресенье после Троицына дня бывает гульбище для погребения Костромы, во Владимире – для погребения

Лады, а в Твери недавно прекратился праздник погребения Ярила, совершавшийся 24 июня близ Трехсвятского сада.

В этом же краю с первого воскресенья после Петрова дни начинаются гулянки, называемые *Петровками*, кои продолжаются по первый Спас. В Рязанской губернии, в Скопине, с понедельника Русальной недели до самого заговенья, с вечера до ночи, девки и женщины водят хоробы змейкой, держась за конец платка и припевая: *Лелий, лелий, лелий зеленый, и Ладомое!* В Пензенской и Симбирской губерниях в Духов день, девки, выбрав из себя одну, нареченную Костромою, кладут ее на доску, на коей несут ее на реку, где, сложив ее, купают друг друга в реке; потом, сделав из лубка барабан, под звуком его возвращаются домой и, нарядясь, выходят на улицу играть в хоробы до вечера. Сия мифическая или символическая Кострома известна и в других краях России. В Воронежской губернии на берегу озера Горохова, соединяющегося с Доном, строили жители села Горохова под Троицын день, как гласит предание, на поляне шалаш, украшали его венками из цветов и душистой зелени, внутри ставили на возвышенном месте болвана из дерева или соломы, одетого в богатое мужское и женское платье. Около шалаша собирались тамошние жители, принося с собою отборную пищу и питье, и составляли около шалаша хоробы, плясали, пели песни и пировали сколько душе было угодно. В Воронеже, как и в других краях России, молодые девушки, особливо низкого состояния, на Троицын день собирались к какой-нибудь из подруг своих завивать венки, а на другой день сходились развивать. Обыкновенный припев в песнях при этом празднике, или лучше сказать, с самого открытия весны до 25 июня, есть: *Ладом, диди и Ладом*. В Орловской губернии есть обыкновение молить каравай в Троицын день, которое состоит в том, что готовится один общий каравай для стола, а другой – для рощи, куда с ним после обеда отправляются гулять и завивать венки. В Псковской губернии пучками цветов, с коими стояли обедню и вечерню в Троицын день, обметают могилы родительские; это называется: *глаза у родителей прочищать*. В Воронеже отправлялось, до Тихона I, ежегодно пред заговеньем Петрова поста буйное игрище, им уничтоженное в 1763 году, в честь Ярила, который, по словам сего архипастыря, «в сих странах за бога почитаем был, пока еще не было там христианского благочестия». Это игрище соединялось с плясками и пированьем, также с кулачными боями, на коих случались и смертоубийства и жестокие увечья²²². В Кинешме доньше совершается празднество в память Ярилы о заговенье Всесвятском. В Одоевском уезде Тульской губернии простой народ около Петрова дни стекается на поклонение двум камням, как на могилы родителей, после молебна в церкви Божией Матери Умиления. Сии камни, коим приписывается суеверами чудодейственная сила, называются *Баши* и *Башиха*; одни их почитают за мужчину и женщину, а другие – за супругов, иные – за кума и куму или за богатырей, превращенных в камень. В городе Тюмени Тобольской губернии в десятое воскресенье после Пасхи бывал за белым городищем праздник Ключ²²³, начинаемый водосвятием и оканчиваемый гуляньем, борьбой и песнями; ныне предается он забвению. У нынешней мордвы, потомков ростовской мери, переселившейся за Оку и смешавшейся с мордвою во время крещения земли Ростовской, доньше летом совершается языческий праздник в честь Велеса под названием *Вел-Оск*; а близ Нерехты, также мерянского поселения, среди реки Нерехты лежит чудный камень, похожий на большую бочку с обручами. Простолудины верят, что кто осмелится брать воду близ этого камня, тот впадет в сумасшествие.

Как мы заметили выше; что мера поклонялась Велесу под видом камня, то сие дает повод почитать этот камень за Велеса²²⁴. В Шенкурске и Верховажье, начиная от самого Рождества, целую неделю ходят парни по домам, как в Малороссии, со звездой, которая делается из бумаги в аршин величиной и освещается свечой. Там хождение с такой звездой и пение винограда называется вообще *Коледой*. В Бабые лето в Серпухове на поле девушки и молодцы с плачем торжественно хоронят мух в гробках, вырезанных из моркови и свеклы. Тогда женихи

смотрят себе невест, что бывает и в другие праздники, и т. д. В Новгороде, Москве и других городах в неделю пред Рождеством Христовым совершался *обряд Пещного действия* — род сценического представления, какие бывали и в римской церкви²²⁵, в Вербную неделю — обряд хождения на осляти, а 1 сентября — чин летопривожения. В Осташкове по воскресеньям бывает вечернее гулянье, известное там под именем *Беззаботной площади*. В Цивильске сбиршища девиц на веселье называются *Холками*. Во всей почти России празднуются *Пятницы*, соединенные с местными торгами или ярмарками. Пятница именуется временной, потому что день св. Параскевы, 28 октября, временно приходится в пяток. В Кинешемском округе торжествуется *Обжорная Суббота*, а в Буевском — *Обжорная Пятница*, на третьей неделе Великого поста, когда зятя тестей и тещ угощают киселем с маслом, который привозится туда обыкновенно в гробках. В Шенкурском и Вельском округах по Ваге простой народ ежегодно отправляет праздник в пяток первой недели Петрова поста Девятой Пятницы, или в честь св. Параскевии, нареченной Пятницы, особенно у древней часовни в пяти верстах от Верховажья, куда бывает из церкви крестное хождение, сопровождаемое множеством народа из окрестностей. За молебствием следуют пиршество и игрище, там девки и парни составляют два круга, кои, постояв несколько времени в некотором расстоянии один от другого, потом сходятся вместе, и попарно девки с парнями бегают взапуски; на бегу стараются разорвать их чету девка или парень, у которых нет пары. Эта игра там называется Полукрестом.

В Пермской губернии в селе Обыченском в Ильин день, по свидетельству Лепехина, убивают вскладчину быков и телят, а в Прокопьев день — баранов, коих съедают всем миром²²⁶.

Приходские праздники как в Великой России, так равно и в Белой сопровождаются общим гостеприимством и весельем, которое продолжается обыкновенно три дня. Около Галича и Буя, на монастыре, в приходские праздники угощают прихожан и пришлых кашней, вареным мясом и пивом; это там называется: *угощаться у праздника*. Самая поговорка *на нашей улице праздник* выражает всю полноту удовольствия и торжество, какое доставляет поселянину его праздник, приносящий ему отдых от трудов, разгул и веселье в жизни. Ежели ближе и глубже вникнуть в народную жизнь, развившуюся на разных полосах северо-восточной России, то, вероятно, откроется еще более местных поверий и обрядов древних, смешанных и новых, а в них дух народа, отлившийся там в разных формах. Такое разнообразие поверьев и обычаев подтверждает и самая пословица народная: *Что город — то нор (нрав, обычай); что деревня — то обычай; что подворье — то поверье*.

В этом сочинении мы ограничиваемся только праздниками и обрядами Великой России, кои здесь при общем обзоре рассматриваем сравнительно с другими, с нею сходными по внешности или сущности; в следующих книжках предложим каждый праздник особенно, с его подробностями и с относящимися к нему песнями.

6. По отношению к месту народные праздники также могут быть разделены на сельские и городские. В древности, в эпоху языческую, они не имели такого различия; в первые же века, при постепенном переходе язычества к христианской вере в России, они стали различаться своим содержанием и целью, кои изменялись в эпохи наращения: греческую, восточно европейскую или азиатскую и западно-европейскую.

Религиозные древние праздники и обряды, истекши из внутренней, семейной жизни, развились и образовались вместе с развитием и образованием общества, сперва в селениях, потом в городах, где празднества, сопряженные с торговлей, судьбищем и гостеприимством, служили средствами не только к соединению единоплеменных, но и к сближению с разноплеменными народами. Вышеприведенное нами место из отечественного летописца — *игрища меж селы* — доказывает, что они начались вместе с началом общин, когда удовлетворены были главные потребности жизни. Потому вероятно, что села имели свои средоточия, где бывали

требища, мольбища, игрища, тризнища. Погосты и городища составляли такое средоточие, где в назначенное старейшинами селений время собирались мужи и жены для совершения богослужбных обрядов, кои сопровождаемы были играми и песнями; сходство тех и других предполагает сношение между этими рассадниками народонаселения и богослужения. На игрищах вятичи, радимичи и северяне, по сказанию нашего летописателя, «умыкаху жены себе, с нею же кто совещавашись». Подобная игра доныне существует на севере: играющие разделяются на две стороны, из коих каждая поет попеременно и одна из них берет у другой девицу за выкуп перенятых ею коней²²⁷.

Хотя летописцы наши и не говорят о священных обрядах и празднествах в честь богов в Киеве и Новгороде, кроме благодарственной жертвы выбранным по жребию Варягом при Владимире I и торжественной клятвы Перуном и Волосом, однако упоминают о позорах, игрищах, русальях и тризнах, кои принадлежали к обрядам древнего верования и совершались как в селах, так равно в городах и пригородах. Когда ж христианская вера с X века стала вытеснять из городов обряды и праздники древнего народного язычества, тогда там с переменной образами мыслей и жизни они обратились в обыкновенные гулянья и катанья, сделались гражданскими увеселениями, с коими соединяемы были другие чувствования, другие мысли.

Между тем древние поверья и заветные обычаи укрывались в колыбели своей – в сельских приютах, где они зачались, родились и возмужали вместе с народностью: там они нашли себе приволье и разгулье на полях и лугах, в лесах, на берегах рек и озер, на горах и на улицах селений. Приурочками их служили летнее и зимнее солнцестояние, прилетание и отлетание птиц, развертывание и падение листьев древесных, замерзание и вскрытие рек, начало и окончание полевых работ, кои сменялись днями покоя и веселья, посвященными совершению праотеческих обрядов по преданию и по привычке. Забвение или нарушение заветных обычаев почиталось у простолюдинов преступлением, за коим, по их мнению, неминуемо следовала напасть, поэтому исполнение сих обычаев сделалось необходимостью. В городах нередко древние обычаи заменяемы были новыми, чужеземными. В христианскую эпоху государями и духовенством давались народу праздники по случаю важнейших событий. Выше сказали о торжествах по освящении церквей и о праздниках приходских. О пирах народных при великом князе Владимире I в язычестве и христианстве упоминают летописи наши и старинные песни:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.